

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ДАР БЕРЕГИНИ

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАРЯ

Елизавета Дворецкая
Дар берегини. Последняя заря

«Автор»

2020

Дворецкая Е. А.

Дар берегини. Последняя заря / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2020

Семь лет Ингер пробыл князем Руси, прежде чем кияне признали княгиней его жену, Ельгу-Прекрасу. Наконец их сыну, Святославу, исполняется три года, и Прекраса восходит на киевский стол. Ельга-Поляница, сестра Ингера, предает ей священную чашу хозяйки пиров. Но борьба за власть между княжеской четой и воеводой Свенельдом только обостряется. Желая посрамить Свенельда и стать полным хозяином в своей державе, Ингер сам отправляется к древлянам за данью...

© Дворецкая Е. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Елизавета Дворецкая

Дар берегини. Последняя заря

Часть первая

Глава 1

Когда князь киевский Ингер вернулся из похода на греков, Свенгельд узнал об этом первым.

Уже три года, каждый раз как собирался спать, Свен клал возле себя свой меч. Ружана, жена, посмеивалась: да неужто ты у себя дома опасаясь кого? Уж не я ли на тебя среди ночи ратью пойду? Но насмешки ее были не злыми: три года прожив среди русов, древлянка Ружана привыкла к тому, что мечи для них – не только оружие, но почти божества. Свен лишь улыбался в ответ. Даже Ружане он не открыл, что такое для него Друг Воронов – меч, найденный в княжеских ларях уже после смерти старого князя Ельга, его отца.

«Послезавтра к ночи он будет здесь», – произнес голос в голове, когда Свен уже готов был отплыть из яви по мягким волнам сна.

Кроме особых случаев, воины его незримой дружины всегда подавали голос на грани сна и яви.

«Кто?» – вздрогнув, Свен почти очнулся, но глаза не открыл.

Он знал: приходящих к нему этим путем нельзя увидеть по внешнюю сторону зрения.

«Кто будет здесь?» – повторил он мысленно.

«Твой конунг», – ответил ему голос Уббы сына Рагнара, одного из самых знатных пленников меча.

В древнем клинке были заключены духи десяти человек, его прежних владельцев, но Свен давно научился различать их по голосам.

«Что?» – Свен подскочил бы, когда бы не знал уже по опыту, что резкие движения могут спугнуть незримого гостя.

Конечно, если они сейчас не на поле боя.

«Возвращается твой конунг, – обстоятельно подтвердил Убба. – С ним людей чуть больше сотни, с десятков кораблей. Стяг он сохранил, только его «сокол» обгорел немного. На дорогу ему надо еще два дня, и послезавтра к вечеру он вступит в город».

«Погодите! – взмолился Свен. – Как это – сотня человек? Остальные-то где?»

«Не меньше тысячи погибло в Босфоре. Греки встретили его в проливе и залили «влажным огнем», как они это называют. Сотня кораблей сгорела вместе с людьми...»

«А управлял ими цесарев скопец, – вставил ехидный старческий голос: в беседу вступил Нидуд, много сотен лет назад бывший конунгом свеев. – Хранитель царского исподнего. Случь такое со мной, я бы лучше в море бросился, чем домой вернулся!»

«С тобой было не лучше – твоих сыновей убил хромой раб! – осадил его Убба. – Так что заткнись».

«Не бранитесь! – в отчаянии воззвал Свен: если духи меча увлекутся перебранкой, он не узнает больше ничего существенного. – Но где все люди? Где войско? У него было десять тысяч человек! Они что – все сгорели?»

«Хавгрим с двумя-тремя тысячами прорвался за Босфор и увидел Миклагард, – стал рассказывать Убба, – но сил на осаду у него не хватило, и он разоряет предместья. Кольберн отступил из пролива назад в море, повернул на восток и двинулся вдоль побережья в сторону Серк-

ланда¹. Однако Ингер о них ничего не знает и считает тоже погибшими. Ну а раз он лишился войска, у него оставалось два пути: вызвать цесаря на поединок или повернуть назад...»

«Или броситься в море», – опять встрял Нидуд.

«Он предпочел повернуть назад, – Свен почти видел, как Убба отмахивается от старика свея. – Ему посчастливилось безопасно пройти через болгар и прочих ваших скифов. Сейчас он в Витичеве».

«Так он что... разбит? – наконец Свен уяснил себе, что все это значит. – И не привез никакой добычи?»

«Только ожоги. Когда, знаешь ли, на тебе горит собственная одежда и тем более железный панцирь, тут хорошего мало».

Поход на греков, который готовили два года, окончился провалом. Мгновенным и сокрушительным. Ужасаясь величине потерь и позора, Свен сам не знал, что ему сейчас надлежит испытывать: горе или радость.

«Это день твоей удачи, парень! – с воодушевлением воскликнул Нидуд. – Тот самый, которого мы ждем столько времени! Ваш конунг сейчас слаб телом и духом, как новорожденный младенец! Удача покинула его, войска при нем нет! Народ отвернется, когда увидит, как мало у него счастья! Родичи погибших проклянут его! Ты спихнешь его с престола одним пальцем, и эта держава наконец-то будет наша!»

«Можно встретить его на реке и разбить! – глухо донесся из темных далей еще один голос. – Он сейчас не сумеет тебе противостоять, и этот город станет твоим навсегда!»

Убегая от таких советов, Свен сел, потряс головой и постарался прийти в себя. Положил руку на клинок Друга Воронов. Через плотные кожаные ножны чувствовалось тепло, а голоса пленников меча еще звучали у Свена в ушах.

Ружана спала рядом, с ее стороны лежанки посапывало в подвешенной к матице люльке грудное дитя – младшее из трех. Все было тихо в богатой воеводской избе, на обширном дворе за высоким тыном. Киев спал на своих вершинах, только полная луна бродила где-то за облаками, порой бросая лучи на темную землю, будто искала кого. Свену не верилось в то, что он внезапно узнал, но он не раз уже убеждался: пленники меча, волей Одина принужденные служить нынешнему, живому владельцу Друга Воронов, никогда ему не лгут.

Такие новости нелегко было осознать. При мысли о непоправимом разгроме накатывала жуть. Из десяти тысяч воинов – гридей, ратников и наемников-варягов, – ушедших на тысяче без малого лодий, назад возвращается около сотни человек! Такие ужасные поражения встречаются только в сагах, и то у врагов.

То, что сам Ингер, двоюродный брат Свена, по завещанию Ельга Вещего получивший киевский стол, остался жив, уже мало что меняло. Если человек настолько лишен удачи, то надежд удержать власть у него не многим больше, чем у мертвеца.

* * *

Всю короткую летнюю ночь Свен почти не спал, стараясь уяснить себе тот новый мир, в котором всем киянам предстояло проснуться, а при первых проблесках рассвета поднялся, велел дать коней и поехал на Девичью гору. Город еще спал, только пастухи брели по улице, гудением рожков давая киянам знать, что пора выгонять скотину со дворов. Выходящие к воротам бабы с любопытством поглядывали на молодого воеводу Свенгельда с тремя телохранителями, в столь ранний час проезжающего от Киевской горы, где он поставил себе двор, к святилищу Макоши. Низко кланялись, а которые помоложе, даже улыбались первому из киевских бояр.

¹ Сержланд – арабские страны.

Телохранителей и лошадей Свен оставил у подножия Девичьей горы: при всей своей дерзости с людьми, с богами он неизменно бывал почитателен. Будешь почитателен, если самый видный из богов живет в мече у твоего пояса! Проходя через двор, Свен вежливо поклонился трем деревянным идолам с гладкими лицами – Макоши и ее помощницам, Доле и Неделе. Ему ли было не знать, как часто они перенимают из рук друг у друга нить судьбы человеческой!

Его появление уже заметили: Ельга сама вышла во двор ему навстречу. Они поцеловались, и Свен ненадолго прижал сестру к себе, готовясь сообщить важные новости. Она жила теперь здесь, в святилище. На старом отцовском дворе ей не стало места с появлением новой хозяйки – Ингеровой жены, Ельги-Прекрасы. Обзаведясь после Древлянской войны собственным просторным двором, Свен охотно взял бы сестру к себе, и с Ружаной они ладили, но Ельга отказалась. Обязанности киевской княгини и старшей жрицы все еще оставались за ней, и она могла обитать в доме если не у князя, то лишь у бога. В Киеве ее почитали почти как живую богиню, преемницу Девы Улыбы, и она не могла себе позволить жить на положении незамужней воеводской сестры.

Ельга-Поляница, единственная законная дочь Ельга Вещего, уже давно была зрелой женщиной – ей исполнилось двадцать лет. Но о замужестве ее не заходило речи: никто из мужчин, даже княжеского рода, не был ровней ей, зато любой муж вместе с ее рукой получил бы право на киевский стол. Поэтому сама она не желала идти замуж из гордости, а Ингер не стремился выдать ее, свою вуйную сестру², из осторожности. А ведь когда Ельга-Поляница показывалась в городе, и мужчины, и женщины не сводили с нее восхищенных глаз. Рослая, крепкая, с крупными правильными чертами лица, с длинной рыжевато-золотистой косой, со свежим румянцем, она была хороша, как Заря-Зареница. Мед и пиво, которые она разливала гостям на княжеских пирах, казались вдвое слаще, будто она владела даром подмешивать в них солнечный свет. Свен сам не переставал любоваться сводной сестрой и жалел, что такая красота, способная принести счастье какому угодно мужу, пропадает зря. Даже походка ее – плавная, уверенная и целеустремленная, – казалось, производила порядок везде, где ступали ее ноги.

– Что ты так рано? – спросила Ельга, обняв Свена. – Все ваши здоровы?

– Наши-то здоровы... – Свен оглянулся, не слышит ли их кто.

В этот ранний час в святилище были только две-три женщины, живущие здесь постоянно, но они занимались своими делами в избе.

– А чьи нездоровы? – Ельга пристально взглянула ему в лицо.

Глаза у нее были удивительные – большие, широко расставленные, светло-карие с зелеными искрами. Благодаря изогнутому, словно лук, бровям-куницам, взгляд их поражал, будто незримая стрела. Даже Свен, человек стойкий и упрямый, под этим взглядом ощущал неодолимое желание немедленно рассказать ей все, что знает.

Свен еще раз огляделся.

– Ингер возвращается. Уже завтра к вечеру здесь будет.

Ельга вскинула руку и прижала кончики пальцев к губам.

– Откуда ты знаешь? Гонец из Витичева был?

– Был гонец... – Свен отвел глаза.

– Оттуда? – Ельга положила руку на его кисть и показала глазами на меч.

Многие люди разговаривают со своими мечами, но Ельга, единственная, знала: меч Свена первым завязывает беседу. Не сразу, но со временем Свен рассказал ей о том, что волею Одина в древний меч по имени Друг Воронов, изготовленный когда-то самим Вёлундом³, заключены духи всех десяти его прежних владельцев, обязанные служить владельцу живому.

² Вуйная сестра (или брат) – двоюродные по братьям или сестрам матери.

³ Вёлунд – персонаж скандинавской мифологии, волшебный кузнец, «князь альвов», особа божественного статуса. Был в плену у конунга Нидуда, но вырвался оттуда, изготовив себе крылья.

– Оттуда, – Свен кивнул.

– И что? – нетерпеливо спросила Ельга. – Почему так быстро? Он *был* в Греческом царстве?

– Был. Его разбили... еще на подходе к Царьграду, прямо в Боспоре Фракийском, – Свен приобнял сестру, боясь, что такие новости собьют ее с ног. – Потери огромные. Не меньше тысячи человек за один первый день. Варяги прорвались за пролив, но сам Ингер вроде как об этом не знает. Он повернул назад, ему больше ничего не оставалось делать. И при нем всего около сотни человек.

– Сотни... человек? – Ельга и впрямь покачнулась, распахнула глаза. – Не лодий?

– Человек.

– Ой божечки...

Ельга зажмурилась. Ей не так сильно, как Свену, слепило глаза честолюбие и собственные притязания, для которых вдруг вновь забрезжила надежда, и она острее него осознавала ужас случившегося. Со всей земли Полянской собирали ратников для этого похода. Посылали боярина Ивора, Ингерова старого кормильца, на его родину, в Холм-город, чтобы взять ратников со словен ильменских. Приглашали людей от плесковских кривичей, откуда родом была Ельга-Прекраса, от кривичей-смолян и радимичей. Наняли за Варяжским морем две тысячи воинов, обещая им богатую добычу из усыпанной золотом Греческой страны.

Но наибольший ужас Ельгу охватывал при мысли о потерях полян. Это были не какие-то варяги или кривичи – это были свои, сыновья, внуки, зятья и сестричи киевских бояр, нередко сидевших за ее столом, принимавших медовые чаши из ее рук. Если отроков поманили добычей, а вместо этого увели на быструю, ужасную, бесславную смерть...

– Земля Полянская не простит нам этого! – выдохнула Ельга, не решаясь открыть глаза и цепляясь за руку Свена.

– Не нам! – выразительно поправил Свен. – Ему!

Ельга наконец открыла глаза и посмотрела в лицо сводному брату. В детстве они, так несхожие по своему положению, жили каждый своей жизнью, да и разница в возрасте – Свен был старше на семь лет – в те годы клала между ними пропасть. Но после смерти Ельга, когда Киев и вся земля Русская вдруг остались на руках у них двоих, они сблизились и сумели отразить первые натиски судьбы. Рожденный от рабыни, Свен не мог считаться полноправным наследником отца, потому Ельг и завещал державу сыну сестры, но три года назад кияне, уставшие от долгого безвластия, готовы были признать своей госпожой Ельгу-Поляницу. Свен стал бы при ней воеводой, и у него в руках оказались бы все дела войны, торговли и сбора дани, недоступные женщине.

Но в те самые дни, когда они подошли к ступеням престола вплотную, с севера явился Ингер, которого уже перестали ждать...

– Послушай! – Свен склонился к самому лицу сестры и зашептал: – Это наш случай! – Вольно или невольно, он повторил слова, ночью услышанные от старика Нидуда. – Он показал, что у него удачи не больше, чем у мертвеца. Он выиграл ту войну с древлянами, но тогда в войске был я! Теперь он пошел на войну сам, не взял меня, чтобы не делиться славой и добычей, и нашел одно горе, смерть и срам! Это его земля Полянская не простит! Не простит потерь и позора! В каждом роду будут причитать по своим! В каждом роду его буду попрекать и проклинать! От него отвернется даже собственная дружина, потому что вождь без удачи – не вождь, а... бревно, хуже бабы! Он станет ничем, пустым местом, пожалеет, что не погиб! Я бы на его месте сам в море бросился!

Свен осекся, заметив, что опять повторяет слова Нидуда.

– Если мы не растеряемся, то стол будет наш, – переведя дух, прошептал он в ухо сестре. – Я мог бы... вовсе не пускать его в город. Подождать на островах... и покончить с ним. Свалился он нам, как снег на голову, так пусть и растаял бы, как снег!

– Замолчи! – резко бросила Ельга и отодвинулась. – Как бы ни было, пусть он лишен удачи, но он твой брат! Он наш брат, в нем наша кровь, и я не позволю даже думать о таком!

Свен вздохнул и отвернулся. Он понимал, что советы пленников меча завели его далеко, но, не зная Ингера в детстве, привык смотреть на него как на соперника, захватчика Ельгова стола, а не на собственного родича, имеющего на этот стол право крови.

– Мы должны принять его! – потише, но так же уверенно продолжала Ельга; видя, как трепещут ее ноздри и невольно поджимаются губы, Свен понимал, что ее толкает на это лишь долг, а не сердечное желание. – Должны принять и поддержать... как брата. А там уж... пусть земля Полянская решает.

Свен глубоко вздохнул. Вот опять, как три года назад, участь киевского стола будет решать земля Полянская, то есть собрание старейшин, глав родов, что и составляют эту землю. Три года Ингер сын Хрорика занимал это стол и был здесь полноправным владыкой, но поражение сбросило его опять к нижним ступеням.

– Не говори пока никому, – попросил Свен. – Два дня еще есть... сам подумаю, как быть.

– Не делай ничего без моего ведома! – предостерегла Ельга, и Свен кивнул.

В ее руках была священная власть, ее голосом говорили боги земли Полянской, и ни одно важное дело не решалось мужчинами без совета с ней.

– Только как же... – окликнула Ельга, когда Свен уже повернулся, намереваясь уйти, – а как же... она? – Ельга-Поляница выразительно кивнула в сторону Киевской горы, где стоял княжий двор. – Русалке-то... надо бы сказать.

Русалкой они между собой называли жену Ингера, плесковитянку Ельгу-Прекрасу. Имя Ельга Ингер дал ей сам, когда женился на ней и вводил в свой род, чтобы закрепить за ней полные права госпожи княжеского дома. Ельга-Поляница, свое родовое имя получившая от отца, до сих пор в душе содрогалась от негодования, слыша, как священным именем древних королевских дочерей-валькирий называют дочь какого-то варяга-перевозчика с реки Великой!

– Она и поначалу-то тревожилась, а уж месяца два ходит, как в воду опущенная, – продолжала Ельга. – Чадо схоронила, муж невесть где... Хоть живой воротился, ей и то будет радость.

– Потерпит еще два денечка, – безжалостно ответил Свен.

Но в душе его что-то дрогнуло при мысли об этих двоих, которые завтра вечером встретятся и каждый преподнесет другому ужасные, губительные вести. Поражение, разгром, позор Ингер привезет из похода, а дома узнает, что их единственный сын, годовалый Ельг, умер перед Купалиями от какой-то лихорадки, поболел всего-то два дня. Эта пара опять бездетна. У Ингера в Киеве снова нет наследника, и возможность возвести Ельгу-Прекрасу на княжий стол и дать ей права княгини вновь отодвигается, самое меньшее, на четыре года...

– Божечки, горя-то сколько! – вырвалось у Ельги, и взор ее обратился к идолам Макоши и ее помощниц. – Не дают им боги счастья!

– Знать, не принимает их земля наша, – буркнул Свен. – Ты бы им намекнула... Станут упрямыми, и сами живота лишатся.

– Я им не суденица, – Ельга покачала головой. – Ты-то сам бы отступил от стола, чтобы живот сохранить?

Свен молча покачал головой. Они с Ингером были очень разными, но с детства тот и другой одинаково усвоил: нет ничего дороже чести и славы. Даже жизнь и счастье – ничто перед ними, и пролитая кровь лишь выше вздымает волну, несущую твой корабль.

* * *

...За те три года, что Прекраса владела умением говорить с водой, владычицы судьбы являлись ей под разными личинами – белых уток и черных выдр, молодых дев и морщинистых

старух. Иные из них пугали своим видом, и она ко многому была готова, но в тот памятный день увидела такое, что подумалось невольно: это самой судьбы конец, нить оборвана...

Шел месяц кресень, приближались Купалии, по вечерам от прибрежных рощ над Днепром доносилось девичье пение, но мысли Прекрасы были далеки от веселья. В середине весны, по высокой воде, князь русский Ингер ушел с войском в Греческое царство, и Прекраса жила, как будто половину ее сердца вырвали из груди и увезли за моря. За три года их жизни в Киеве Ингер впервые ушел так далеко – дальше земли Деревской. До Царьграда одного пути, как говорят, месяца полтора-два. Ждать его назад стоило не ранее осени, и лежащая впереди разлука казалась любящей молодой жене бескрайней, будто холодное море.

Уже в первые дни Прекраса не находила себе места, но, зная, что вестям еще не время, с месяц принуждала себя быть спокойной. Потом стала порой навещать к Киеву перевозу близ устья речки Лыбеди. Пусть войско Ингера еще и не добралось до Греческого царства, но мало ли что могло случиться по пути? В областях чужих, враждебных племен ниже по Днепру. На порогах, куда выходят из степей печенежские орды. В царстве Болгарском, где правят родичи цесарей, а значит, враги князя киевского... Хороши ли дела у русов и их князя, худы ли – обычным путем вести дойдут через месяц или больше. Но она, Ельга-Прекраса, имеет средство узнать правду намного быстрее.

Приезжая на заре, вечерней либо утренней, Прекраса укрывалась в знакомом месте, между старыми ивами, распускала волосы, доставала гребень и произносила слова призыва.

Мать-Вода! Государыня-Вода!
Течешь ты по зеленым лугам,
Омываешь крутые берега!

– приговаривала она, расчесывая волосы гребнем из тонкой белой кости, непохожим на изделия человеческих рук.

Бежишь ты по камушку белому,
От светлого дня до темной ноченьки,
От зари утренней до зари вечерней,
Ни сна ни отдыха не ведаешь!

За минувшие года Прекраса столько раз произносила эти слова, что они слетали с губ сами собой, как дыхание. Больше у нее не дрожал ни голос, ни рука, а само имя Матери-Воды окутывало чувством близости иных берегов, где нет ничего, кроме изначальных вод и насельников их – бесчисленных духов.

Не обмой-ка ты крутые берега,
А скажи-ка мне судьбу доброго молодца,
Ингера, сына Хрорикова.
Сколько ему лет летовать,
Сколько ему зим зимовать,
Или ему на белом свете не живать,
Во сырой земле лежать...

Вода гребнем по волосам, она распутывала струи самого земного бытия, пряла судьбу свою и всех, о ком думала. Своих близких и своих недругов...

Гребень этот еще в девичестве поднесла ей берегиня выбутского «плеска», то есть брода. Без этого чудного дара все в их жизни пошло бы по-иному. И не только их. Злая судьба в облике

белой птицы сулила Ингеру гибель еще три года назад; если бы не Прекраса и не милость Прядущих у Воды, его давно не было бы в живых. Киев так и не дождался бы своего нового владыки, а она... Прекраса верила, что и сама не смогла бы жить дальше, так быстро потеряв надежду вновь увидеть Ингера. Того, кто однажды вошел в ее неприметную жизнь, будто живое солнце, ступающее по земле, и сделал невозможным дышать без него.

Вот прошло три года, они давно муж и жена, у них родилось второе дитя, сын, названный Ельгом в честь Ингерова дяди, Ельга Вещего, но сердце Прекрасы по-прежнему бьется лишь для Ингера. Его она видит во всем, что попадает на глаза – в голубом небе, в блестящей воде широкого, могучего Днепра, в кручах зеленых киевских гор, в улыбках их маленького сына... И пока Ингер не вернется живым и невредимым, каждый вдох ее будет напоен страхом за него, ощущением пустоты и болью разлуки.

День за днем призыв оставался без ответа: духи днепровского перевоза и владычица их, Дева Улыба, не откликались, и напрасно Прекраса водила белым гребнем по своим светлым волосам, пока не начинала неметь рука. За три года жизни в Киеве ее волосы, и до того густые и длинные, отросли ниже колен, так что ей приходилось, чтобы расчесать их до самого низа, наматывать пряди на локоть. Дома, на княжьем дворе, ей чесали и заплетали косы челядинки, но здесь, у Киева брода, это было священнодействие, заклинание судьбы.

После многих дней напрасного ожидания Прекраса почти не надеялась на ответ. Но сегодня, едва успела она произнести первые слова, как в глаза ей бросилось черное пятно на блестящей поверхности воды.

Вздрыгнув, Прекраса замолчала и вгляделась. Прямо на воде Днепра, что под светом утреннего неба казалась мягкой и гладкой, как шелк, стояло нечто, в чем Прекраса с трудом различила сходство с человеческой фигурой. Хозяйка вод явилась ей древней старухой, перекошенной на один бок. Но хуже всего было то, что старуха эта будто соскочила с крады погребальной, вырвалась из огня, уже наполовину пожравшего свою законную добычу. С полуобгоревшей головы слезла кожа, обнажая череп и зубы; с левой стороны из обугленной плоти торчали кости ключицы и плеча – обгоревшие, черные. На Прекрасу веяло душной гарью.

Перехватило дыхание, рука с гребнем замерла. Не в силах ни вздохнуть, ни моргнуть, Прекраса смотрела на жуткую старуху. Она уже знала: чем злее вести, тем более неприятный облик принимают Прядущие у Воды. Добрые предзнаменования приносят юные девы, одетые в белые водяные цветы, а причитать о грядущем зле приходят раскосмаченные старухи со скрипучими голосами. Но что предвещает появление этого обгорелого трупa? Какое невысказанное зло?

Губы дрогнули, но Прекраса не смогла заставить себя задать хоть один вопрос.

Старуха с крады не сказала ни слова. Постояла, давая себя рассмотреть, и растаяла.

Рука Прекрасы опустилась, пальцы разжались, гребень выпал на песок. Она не спешила его поднимать. Пусть уносит днепровская волна. В этот миг ей хотелось раз и навсегда отказать от своего дара. Лучше быть как все и не ведать будущего, чем получать вести, от которых не хочется дальше жить.

Но постепенно ощущения жизни – свежий теплый ветерок, здоровый запах воды – помогли Прекрасе прийти в себя. В заводи качались среди осоки белые огни «русалочьего цвета», и золотые реснички их сердцевин улыбались ей из чаши белых упругих лепестков. Таращился на реку слепыми глазами высокий дубовый идол – изображение Кия, который когда-то, лет двести назад, переправился здесь с левого берега, чтобы стать господином города на кручах. С тех пор у этого города уже не раз сменились владыки, но всякий, кто приезжал с запада по Деревской дороге и хотел попасть на левый берег, приносил жертвы хранителю перевоза.

Посмотрев на Кия – воплощение древней славы и крепнувшей мощи рожденного им племени, – Прекраса немного ободрилась. Сглотнула, вдохнула полной грудью. Глянула на гребень у своих ног, потом на воду перевоза.

– Ты лжешь... – хрипло, почти шепотом выдавила она из пересохшего горла. – Он не погиб. Еще не время. Наш уговор – на семь лет. Ты остаешься мне должна четыре года, и я тебе их не прощу.

Стиснув зубы, Прекраса смотрела на воду, будто ожидала, что коварная хозяйка перевоза выйдет снова и вступит с ней в бой. Навь лукава – то, что причитается ей, она взыщет сполна, но свои долги отдает неохотно и норовит обмануть. Прекраса знала, какой сильный противник перед ней, и знание это досталось ей недешево. Три года назад она проиграла свой первый важный бой, и тень тогдашнего горя тянулась за ней до сих пор. Она вспоминала о нем каждый раз, когда взгляд ее падал на порог собственной избы – могилу их с Ингером безымянного первенца, крошечного мальчика, что родился, но не сумел сделать ни единого вдоха.

Но Прекраса знала и другое: у нее еще есть время для борьбы и победы. Пока Ингер с ней, она будет служить его судьбе и биться за нее. Она слишком далеко зашла и слишком многим пожертвовала, чтобы отступить.

– Судьба есть... – прошелестело позади Прекрасы.

Она обернулась – там никого не было, это шептала ива тысячами длинных, тонких зеленых языков.

– Судьба есть – будет и голова...

– Ингера голову я не отдам! – решительно, вслух ответила Прекраса. – Он мой.

Долгий вздох ветра пролетел над водой, и все стихло.

С луга долетало пение пастушеского рожка – земля Полянская зеленела и трудилась, вступая в пору летнего расцвета.

* * *

В этот день, самый тяжелый за двадцать один год его жизни, князь Ингер был недалеко от мысли бросить Киев, где он так мало видел удачи, и вернуться в свои родные края, на Волхов. Даже в тот день, когда его суда плотным строем вошли в Боспор Фракийский и попали под летучее пламя греческих огнеметов, способное гореть на дереве, на железе, на живых людях и даже на воде, он не так отчаялся, еще не зная глубины поражения. За почти два месяца обратного пути он успел ее осознать. А возвращение домой не облегчило, а утяжелило его ношу. Прекраса разрыдалась при виде него, но не только от радости, как он было подумал. Обняв ее и спросив о сыне, Ингер узнал, что воинской удачи и будущего наследника он лишился примерно в одно и то же время. Того и другого – похоже, навсегда.

Вовсе не желая, чтобы весь Киев высыпал навстречу его обгорелому стягу, Ингер не посылал вперед предупредить о своем приезде. Видя, как встают впереди киевские кручи – обветшалый вал на Святой горе, более новый на Киевской, – он мечтал о том, чтобы каким-то чудом от пристани в Почайне сразу перенестись на княжий двор, чтобы из всего населения стольного города увидеться с одной только Прекрасой. Только мысль о ней его и утешала.

– Не кручинься так-то уж! – не раз уговаривал его Ивор. Немолодой боярин, несмотря на полноту, стойко переносил все тяготы похода и подбадривал молодых. – Без поражений никто не обходится. Думаешь, Ельг все битвы выигрывал? И с ним по-всякому бывало. Отдохнем, с силами соберемся, глядишь, в другой раз побьем греков. Впредь умнее будем!

Человек опытный в таких случаях легче молодого сохраняет бодрость духа. Он уже знает, что за ночью опять придет рассвет, а молодому кажется, что ночь, впервые принеся тьму в его жизнь, воцарилась навечно. Без поражений никто не обходится? Витязи в сказаниях, славянских и варяжских, на которых Ингер вырос, начинали свой путь с побед, даже если им был

день от роду! Побеждать было его правом и его обязанностью, победа текла в его жилах вместе с кровью, полученной от князей и конунгов, а через них – от богов. Поражение изменило весь его мир, самого себя он стал чувствовать другим человеком. И этого нового Ингера он мог лишь презирать.

На десяток лодий, подходящих к причалу, поначалу мало кто обратил внимание. Подошел отрок от мытника – узнать, есть ли товар какой и будет ли взиматься мыто, – узнал гридей и застыл в изумлении. Привлеченный потрепанным видом путников, начал собираться народ, но первому, кто крикнул «Князь!» не поверили. Ингер велел гридям выгружаться поскорее, надеясь, что сумеет добраться до княжьего двора и закрыть ворота, пока не сбежалась толпа. А через день-другой, увидевшись с женой и отдохнув у себя дома, он наберется духу для встречи с киянами...

Но надежды эти жили недолго. Очень скоро Ингер, стоя у сходней, увидел, как над толпой проплывает знакомая фигура всадника в красном плаще, за ней еще несколько. Свен, двоюродный брат, побочный сын старого Ельга. Человек, которого Ингер хотел сейчас видеть, пожалуй, меньше всего.

Когда Свен приблизился, самым своим видом раздвигая толпу, как лодка воду, Ингер упер руки в бока и сделал несколько шагов ему навстречу. Нет смысла бежать от неизбежного, достойный человек должен стойко встречать удары судьбы, – эту заповедь сын знатного рода усваивает первой и следует ей до конца. На Свена, рожденного от пленницы, Ингер привык смотреть свысока, и эта привычка помогла ему не уронить достоинства даже в этот тяжкий час.

Свен сошел с коня и по-родственному обнял Ингера, не выражая ни малейшего удивления. Только окинул его лодьи и дружину беглым взглядом, но, судя по лицу, увидел именно то, что и ожидал. Надо думать, кто-то из Витичева скакал, меняя коней, чтобы принести новость о прибытии князя в Киев раньше него самого.

– Будь жив! Я вам лошадей привел, – только и сказал Свен, отходя от Ингера, чтобы обнять Ивора и Ратислава, его сестрича. – Поезжай, – он снова обернулся к Ингеру. – Пока народ не набежал. За лодьями приглядят, если надо чего довести – я возы пришлю.

Везти было почти нечего – даже припасов не осталось, по пути доели последние крохи. В смятении Ингер сам не понимал: рад он тому, что ему не задают вопросов и не приходится ничего объяснять, или ему следует стыдиться, что его поражение так очевидно и, похоже, всем тут уже известно?

Не находя слов, Ингер кивнул и сел на подведенного коня. За ним поехали Ивор с Ратиславом, гриди и уцелевшие ратники тронулись пешком. Свен со своими людьми остался возле лодий.

Прекраса уже знала и ждала, стоя в воротах. Она так изменилась, что Ингер невольно подумал: вот она, судьба моя. Нежное, свежее лицо девятнадцатилетней женщины, еще недавно сиявшее, как цветочная почка в росе, поблекло, побледнело, жена похудела и выглядела изможденной. Когда Ингер сошел с коня и обнял ее, она только прижалась к нему и зарыдала. В плаче ее слышалось и облегчение, и горе, но главное – любовь. И впервые за два месяца Ингер ощутил, что ему дышится легче. Рядом с Прекрасой он был больше и сильнее, чем без нее.

– Ты как? Здорова? – спросил Ингер, и собственный голос показался ему чужим.

Прекраса закивала, задыхаясь от слез и не владея голосом.

– А я... разбили нас, – сказал ей Ингер.

У него это получилось почти просто – за долгие дни обратного пути о столько думал об этом, что привык к этой мысли. Вот только еще не понял, как ему дальше с этим жить.

* * *

Казалось, появление мужа не ободрило, а лишило Прекрасу последних сил. Ей следовало бы радоваться – Ингер и сам был в шаге от смерти, и след от поцелуя Марены остался на его лице: на лбу и на скуле слева виднелось красное пятно от ожога. Брызги «греческого огня» попали ему на шлем, и раскалившееся железо успело обжечь лицо, пока шлем сумели снять. Из сотни гридей уцелело не более половины, остальные вернувшиеся были ратники разных племен, но полян среди них нашлось человек двадцать. А уходила почти тысяча!

Даже смерть ребенка Прекраса прочувствовала острее, когда ей пришлось рассказать о ней мужу. Уже настала ночь, но они не могли спать, а сидели в постели и при свете одной свечи на ларе говорили обо всем, что занимало их мысли в разлуке и сейчас.

– Не кручинься так уж, – Ингеру пришлось повторять ей те же слова, которые он часто слышал от бывшего кормильца. – У Ивора из семи детей от первой жены две дочери в живых остались, у Ольсевы двое родилось, один тоже умер маленьким. Будет и у нас семеро детей, глядишь, вырастим одного-двух... трех-четырёх, – поправился он, увидев, что лицо молодой жены снова исказилось.

– Она не должна... это обман... – бормотала Прекраса сквозь слезы. – Не должна брать по голове... я расплатилась с ней навсегда... до самого конца... Это против уговора... что она взяла его...

Ингер не понимал ее, но не спрашивал, надеясь, что она сама прекратит этот разговор.

– Хочешь, давай уедем отсюда, – положив руку ей на затылок, он прижал ее голову к своему плечу, стараясь заглушить плач. – Я уже думал...

– Куда? – глухо спросила Прекраса.

– В Холм-город. Нет нам здесь счастья, ну, так что же...

– И что? – Прекраса выпрямилась и посмотрела на него голубыми глазами, блестящими от слез, как цветы пролески под дождем. – Новое войско наберем, да?

– Войско? – Ингеру сейчас совсем не хотелось думать о войне. – Нет. Просто... будем жить. Словенами править, как мой отец, как дед. Там моя земля родная, мои могилы дедовы. Авось там отвяжется от нас Недоля, и дети будут жить...

Прекраса села на постели, подобрав под себя ноги, и решительно стерла слезы рукавом сорочки – платок уже весь вымок. Лицо ее, в красных пятнах, с опухшими глазами и носом, вдруг приобрело выражение решимости.

– Но как же так? – она уже другим взглядом посмотрела на мужа. – Уехать? А стол киевский кому оставить? Этим, – она кивнула в сторону, намекая на детей старого Ельга. – Лешему этому и сестре твоей?

– Да пусть хоть леший тут правит, хоть водяной! – в сердцах бросил Ингер. – Вот у меня уже где этот Киев! – Он провел рукой по горлу. – Что нам здесь? Одно звание, что князь русский! Греки от меня торги закрыли, древлянскую дань Свен продает!

– Но у него одна треть, – напомнила Прекраса, переводя дыхание.

– Так он на эту треть полсотни содержит, свою часть на запад отправляет, с древлянами торгует и богатеет день ото дня! А у меня на одни подарки сколько уходит! Из Холм-города не дань привозят, а одни слезы – кому за ней смотреть? Племянники там отроки еще, а у зятьев своих забот хватает. Был бы у меня хоть брат...

«Надо было тебе в Плескове жениться, – как-то сказал ему Ивор, имея в виду давний замысел посвататься к дочерям плесковского князя Стремислава. – Тесть и шурина помогли бы и дань собрать, и за делами приглядеть». Ингер тогда ничего не ответил. Так и надо было поступить... но в те же дни он встретил Прекрасу и больше не мог думать о другой жене. И сейчас не мог.

– Отправь туда Ивора или Ратышу, – сказала она сейчас. – А сам здесь оставайся. Не годится так – дело бросать.

Ингер смотрел на нее в удивлении: он ждал, что жена ухватится за мысль покинуть Киев, где они не видели ни счастья, ни любви местных, и вернуться в родовые владения, к тому же расположенные гораздо ближе к ее родным местам.

– Здесь наша доля, – ее слезы высохли, во взгляде появилась уверенность. – Не будем мы от судьбы бегать. Мы молоды... Дети еще родятся, и войско ты новое соберешь. Пусть Свенька за дань деревскую постарается, у древлян ратников возьмет. У северян попросим. Греков побьешь, и вся русь, все роды и племена тебе покорятся. Тебя ждет слава вечная, и ты не будь сам себе врагом, не отвергай ее.

– Ждет ли? – Ингер усмехнулся.

Никогда раньше он не сомневался в этом, но теперь знал: упования, рожденные сказаниями, совсем не то, что истинная жизнь.

– Я знаю, – мягко сказала Прекраса. – Мне ли не знать?

Она придвинулась к нему, ласково оправила русые волосы, убирая их назад от высокого лба. Это был ее муж, такой же красивый, как три года назад, когда любовь к нему с одного взгляда охватила ее, будто белый огонь. Продолговатое лицо, тонкие черты, ровные русые брови. Нос немного великоват, но красивой лепки, и Прекраса любила его, как всякую черту его облика. За три года Ингер возмужал, юношеская свежесть ушла, но ее сменило величие высокородного владыки; восхищаясь его красотой и достоинством, Прекраса едва верила, что этот небесный витязь – ее законный муж, полюбивший ее вопреки низкому происхождению и тому, что она ничего не могла ему дать вместе со своей рукой. Она смеялась тайком, вспоминая свою девичью укладку с приданым: сорочки, рушники, тканые пояски, рукавицы... Три поневы – простая, «печальная» и праздничная. Такое ли приданое пристало взять за женой ему, получившему золото, серебро, драгоценные сосуды, греческие паволоки, города и земли в наследство от отца и дяди?

Только любовь была ее истинным приданым, но любовь такой силы, что остановила даже безжалостные ножницы в руках судениц. Красные следы ожога ничуть не портили Ингера. Когда Прекраса смотрела в его серые глаза, каждый взмах его ресниц проливал блаженство в ее душу. Она ни о чем не жалела – ни о том, что решилась на договор с хозяйкой «плеска» ради его спасения, ни о той цене, которую согласилась заплатить. Берегиня сохранила Ингеру жизнь. А она, Прекраса, сделает все, чтобы этот бесценный дар не был потрачен напрасно.

– У нас еще *есть* время, – прошептала Прекраса. – Мы *успеем*... Только не отступай.

И снова, как бывало с ним, Ингер забыл обо всем, глядя в ее глаза – два небесных родника, в которых блестела живая вода его судьбы. Эти глаза чаровали, манили, наполняли блаженством, влечением и верой: она знает. Все так, как она говорит. Сидящая на постели, в сорочке, с растрепанными косами и следами слез на лице, Прекраса вовсе не походила на валькирию, шлемоносную деву в кольчуге и с золотым щитом, как их описывают древние песни. Но Ингера не оставляло убеждение, что Прекраса ведет его по пути судьбы, как древних витязей вели всадницы вихрей, посланные к ним самим Одином. В тот миг, когда он впервые взглянул ей в глаза, перед воротами ее отца над рекой Великой, он поверил ей, и судьбы их сплелись в одну нить.

* * *

С самого утра к княжьему двору начал собираться народ. Простолюдины и бояре хотели увидеть князя и услышать от него правду о походе. От прибывших с ним ратников вести о поражении и гибели значительной части войска разлетелись по всем киевским кручам и окрестностям. В домах, откуда вои ушли и не вернулись, поднялся плач. Люди толпились на причале

возле княжеских лодий, разглядывали на них черные пятна обгоревшего дерева. Съезжались бояре, просили гридей возле ворот узнать у князя, когда они смогут его видеть. Задавали вопросы, но гриди, сами хмурые и утомленные, отмалчивались. Однако вид их – у многих были следы ожогов, новые рубцы от ран – говорил сам за себя.

– Эй, паробки, да неужто кроме вас никто не воротился?

– Такая прорва народу уходила – где же все?

– Как Навь разом заглотнула!

– Всех греки побили?

– От Киевских времен такого не было!

– Злее Тугановой рати!

– Где князь-то?

– Скажите там князю, народ его видеть желает!

Даже прозвучало где-то в дальних рядах дерзкое «Пусть не прячется!»

После полудня приехал Свен с сестрой и телохранителями. Им тоже поначалу предложили обождать, но передали внутрь весть об их приезде. Вскоре ворота открылись. Народ, уже собравшийся в густую толпу, качнулся вперед, но гриди, выставив щиты и загородив щель между створками, крикнули, чтобы заходили только старейшины – князь будет говорить с ними. Поднялся гвалт, но прочих оттеснили, самых ретивых угостили древками копий.

Старейшины заняли все скамьи в гриднице. Ельга-Поляница, в варяжском платье золотистой шерсти и хенгерке цвета сосновой коры – все цвета осенней листвы очень шли к ней, подчеркивая рыжеватый блеск косы и янтарно-карих глаз, – села на свое место у подножия престола, Свенгельд встал у нее за спиной, оглядывая собрание и прикидывая, чего теперь ждать. Никаких приготовлений к пиру не велось – Прекрасе, захваченной горем и тревогой, просто не пришлось в голову угощать мясом и пивом гостей, пришедших узнать о несчастье Ингера.

Наконец появился молодой князь. Побывавший в бане, одетый в синий кафтан с отделкой серебряным позументом на груди, он уже не выглядел так плохо, как вчера, только красный след ожога на лбу и скуле был словно печать, подтверждающая: он уже не прежний. Все поднялись; Ингер прошел к княжьему столу, обнял Ельгу-Поляницу, вставшую ему навстречу, кивнул Свенгельду, взшел на возвышение и сел. Ельга подозвала к себе Звонца, чашника, служившего еще Ельгу Вещему, и пошептала с ним.

– Обожди чуть-чуть, сейчас чару принесут, – шепнула она Ингеру.

Звонец дело свое знал – быстро появилась резная чара с медом. Ельга-Поляница взяла ее и подошла к престолу.

– Будь жив, Ингер, брат мой, князь русский! Благо богам, что привели тебя домой невредимым! Да не оставят тебя боги отцов и дедов наших и впредь своей милостью!

Ингер взял у нее чашу и встал.

– Будьте живы, кияне! – Он приподнял чару, призывая богов благословить ее, и все затаили дыхание, вслушиваясь в каждый звук его голоса – знакомый и тоже иной. – Благодарю богов, что вернулся жив, поднимаю чару полную на них, на дедов, на вас!

Ингер помнил свои обязанности, хотя с мыслями собирался с трудом. Прекраса убедила его, что он не должен отказываться от киевского стола, но он предвидел, что не только его желание здесь важно. Взгляды собравшихся бояр – пристальные, испытывающие, осуждающие, даже враждебные – давали понять, что за право сохранить за собой этот стол ему еще предстоит побороться.

Отпив из чаши, Ингер глянул в сторону, выискивая, кому бы ее передать. Ближе всех к нему сидел Вячемир, самый старший и самый уважаемый из киевских бояр, далее за ним Доброст и Хотинег, сын недавно умершего Гостыни. Он был еще не стар – чуть больше тридцати, – но, заняв вслед за отцом место главы рода, быстро приобрел вес среди киевских мужей нарочитых. С Гостыней, добродушным любителем выпить и спеть, его старший сын не имел ничего

общего. Рослый, довольно полный, он всем видом источал здоровье и довольство собой; его круглое лицо, окаймленное золотистой бородкой, имело надменное выражение, а светло-серые глаза смотрели с превосходством. Даже в княжеской гриднице Хотинег сидел, будто каравай на пиру Дожинок – пышный, румяный, украшенный цветами и колосьями, предмет всеобщего любования и почитания. На нем был греческий кафтан, отделанный желтым шелком: много лет назад Ельг из царьградской добычи преподнес этот кафтан Гостыне, и тот часто сидел в нем на пирах. Его дородному сыну кафтан был тесен, и его расставили льном, тоже выкрашенным в желтый, что, однако, не избавило от впечатления, будто этот добрый молодец лопнул от спелости.

Увидев, что князь протягивает чашу, Вячемир, вместо того чтобы с поклоном взять ее, оглянулся на товарищей. Доброст, мужчина лет пятидесяти, с пегой бородой и изрезанным морщинами высоким залысым лбом, только нахмурился; Хотинег даже глазом не повел. А уж ему, всего год назад сюда допущенному, следовало бы гордиться честью – получить чару почти сразу вслед за князем.

Ельга-Поляница переменилась в лице. Но не успела она встать, как вперед шагнул Свен, стоявший возле нее.

– Благо буди богам, что сохранили князя нашего живым и домой привели! – провозгласил он, беря чару у Ингера. – Пью на богов!

На лице Ингера мелькнуло легкое удивление, но возражать он не стал. Отпив, Свен протянул чару Вячемиру, и тот взял, хоть и не без колебаний. Свен напомнил всем, что Ингер так или иначе все еще их князь, и отвергнуть с чару из его рук означает оскорбить самих богов.

Чара обходила бояр почти в тишине, лишь каждый, кто ее получал, произносил несколько слов. Но вот Звонец забрал опустевшую чару, и все взгляды вновь обратились к Ингеру. Он чувствовал их так же ясно, как будто его касались десятки рук.

– Пришли мы, чтобы выслушать тебя, княже, – начал Вячемир. – Ты воротился, мы богам благодарны, что сохранил тебя. Но где люди наши, что с тобой ушли?

– Из моих родичей десять отроков и молодцев мы снарядили, – едва дав ему договорить, выкрикнул Хотинег. – А воротилось с тобой двое! Где прочие – и не ведают! Бают, молнии небесные на войско пали и людей с лодьями пожгли! Что ты скажешь, княже?

– Скажу, что не лгут ваши люди, – Ингер лишь на миг отвел глаза, потом снова взглянул прямо перед собой. Его лицо было спокойно, он лишь смотрел немного исподлобья, из-за чего его серые глаза казались затуманенными. – Мы всей силой вошли в Боспор Фракийский. Греки нам навстречу выслали великие корабли, но было их всего десять или пятнадцать. Мы храбро шли на них, думая взять своей превосходящей силой. Но они не только стрелы и копья в нас метали десятками разом – метнули живой огонь. И был он силы страшной: на воде горел, будто на соломе, и водой его потушить было нельзя. Если попадал на лодью, то горел на том, куда упал: на дереве, на железе... на плоти людской. Кто из ратников был без доспеха, те прыгали за борт и тем жидкий огонь гасили. А кто был в доспехе из моих гридей, те сразу на дно шли...

Пролетел испуганный ропот: многие уже прослышали о колдовском огне греков, но думали, что ратники лгут со страху.

– Как же такое возможно?

– Неужто бог греческий цесарю молнии небесные вручил?

– И много там сгинуло?

– Я видел... – Ингер на миг опустил глаза, – что десятки лодий сгорели вместе с людьми. Сколько всего – не знаю. Уцелели те, кто сумел назад повернуть. И моя лодья горела. У меня на челе горел огонь! – Он показал на красное пятно у себя на лбу. – Едва очи мне не выжег.

– Так где остальные! – загомонил сразу несколько голосов.

– Ты десять лодий привел, прочие где?

– Все сгорели? Перун великий!

– Многие сгорели, – подтвердил Ингер. – Я не видел, чтобы кто-то еще из пролива вышел живым. Только те, что со мной. Может, в полоне иные...

– Надобно послов снарядить в греки, может, удастся выкупить кого! – воскликнул Станмир.

– Чтобы выкупить кого, докончание надобно иметь! – с досадой возразил ему Доброст. – А у нас нет! Для того и ополчились! Думали, побьем греков, как Ельг побивал, и будет нам докончание – и паволоки, и узорочья! А они, выходит, нас побили! И не мы челядь будем возить на продажу, а сами сыны и внуки наши челядью у греков стали!

– Видно, чтобы греков бить, Ельг был нужен! – добавил Хотинег. – Не так-то греки просты, не всякому даются.

Ингер отвел глаза; он старался сохранять невозмутимость, но ноздри его раздувались от возмущения, а губы подрагивали от стыда. Он хотел бы возразить, напомнить, что не годится так дерзить князю, но не находил слов.

Ельга-Поляница сидела, сложив руки на коленях, на ее умном лице отражалось огорчение. Позади стоял Свенгельд, возвышаясь над ней, словно волот, и держал руку на рукояти своего любимого меча, без которого нигде не показывался. Воевода тоже силился утаить свои чувства, но они были совершенно не теми, что у Ингера. Его продолговатое лицо с довольно грубыми чертами и короткой русой бородкой сияло скрытым торжеством. Неудача и позор князя ему доставляли неизъяснимое удовольствие. Он наслаждался происходящим в гриднице. Сколько ни пытался он это скрыть, но ликование прорывалось в складке ярких губ, наполняло светом серые глаза.

Вовсе не из дружбы он первым взял у Ингера чару. Он считал соперника почти поверженным и мог соблюсти приличия, выразив ему уважение – это не спасало Ингера и не вредило Свену. В мыслях он видел княжий стол вновь пустым. И теперь между Свеном и столом его отца не оставалось больше никого.

– Это ты верно сказал: греки – противник сильный! – сурово произнес Ивор. – Да и мы не слабы. Взяли бы мы их, кабы не тот огонь неугасимый. Уж от него, как от молнии, спасения не было. Да только вы погодите русь хоронить, бояре! Мы себя еще покажем. Новое войско наберем. У других племен ратников возьмем, варягов заново найдем за морем. В другой раз умнее будем – по суше пойдем. Разорим царство греческое от болгарских рубежей, к олядиям⁴ больше не сунемся – и что они нам сделают, греки? Пока им сарацины что ни лето досаждают, им против нас большого войска не собрать.

– Ратников опять вам! – со злобой выкрикнул Хотинег, и сразу зазвучали голоса ему в поддержку. – Мало нашей крови пролили? Снова людей наших на гибель поведете! Так мы и дали! Глупцов таких больше нет!

– Так что же вы делать хотите – утереться? – Ратислав, сестрич Ивора, в возмущении шагнул вперед. – Побили нас греки, и спасибо! Больше в море ни ногой? Пусть бабы причитают, а вы, если мужи, должны думать, как позор избыть!

– Позор избыть! – боярин Здоровец вскочил на ноги. – У меня три сына ушло с вами! Где они! Да что ни делай – вернешь мне сынов? Из моря их достанешь? Коли вернешь, тогда я...

Он не смог продолжать: голос дрогнул и оборвался, на глазах блеснули слезы. Со вчерашнего дня он только ужасался самой возможности, что три его сына могут оказаться убиты в Греческом царстве, но вот сам князь подтвердил, что больше никто не уцелел. Смерть из ожидания стала страшной явью.

Горе Здоровца разбило общую сдержанность: старейшины заговорили и закричали все разом, многие встали, желая быть услышанными, устремились к княжьему столу. Ингер дрог-

⁴ *Олядии* (др. – рус.) – искаженное греческое «хеландии», крупные военные корабли. Именно хеландии использовались как огненосные суда в сражении в Босфоре 11 июня 941 года.

нул и хотел было встать; усилием воли удержался, но Ивор, Ратислав, холмгородские бояре Радила и Славон тоже подались к нему, заслоняя своего господина от гнева и горя киян. Началась толкотня, даже свалка; кто-то жаждал непременно прорваться к князю, будто тот все же мог вернуть родичей тем, кто особенно громко попросит; кто-то кого-то оттолкнул, кто-то схватил кого-то за руку со вздетым посохом. «Ты меня не трожь!», «Куда лезешь?», «Назад, назад!» – полетело над головами. «Вихорь ты возьми!». Кто-то кого-то ударил в сердцах, телохранители схватили драчуна за руки, пока не вышло большой свалки.

– Тише, кияне, тише! – Свен и Асмунд, его десятский, тоже подались вперед и стали теснить взволнованных старейшин прочь от престола.

Толпа откатнулась назад. Все знали, что со Свенгельдом шутки плохи. Только Хотинег, почти не уступающий ему ростом и шириной плеч, не хотел уходить и сбрасывал руки гридей, пытавшихся увести его.

– Что ты за князь? – кричал он Ингеру. – Сам ты баба, а не князь! С крапивой под тыном тебе палкой воевать! Людей тебе дали! Лучших людей! Сколько всего собрали – лодий, припасу, тканины, оружия! И где все? Цесарь слопал! А мы что теперь? Сколько добра пропало, людей сгнуло, а добычи шиш! Кто нам вернет...

– Ступай, ступай, Хотенко! – Наконец сам Вячемир взял его за локоть и потащил назад. – Уймись, тут тебе не на торгу кулаками махать!

– А вот тронь меня! Я не холоп! И род мой в земле Полянской не из последних! Мои деды с Киевских времен тут сидели, пока еще русским духом и не пахло тут! Жили без них – вот было полянам счастье! А как навалились на нас эти нечистики – одни беды от них! Не надо нам таких!

– Ступай! – Доброст развернул его спиной к престолу и похлопал по плечу. – Не ори, как баба! Жива земля Полянская, она и решит, как быть ныне...

– Расходись, бояре! – разнесся по гриднице, перекрывая шум, низкий, повелительный голос Свена. – Нынче дела не будет, остынем, павших помянем, тогда и решим, как дальше быть!

Провожаемые гридями, старейшин потянулись на выход. На дворе останавливались, начинали бурно обсуждать дела между собой, их снова подталкивали к воротам. Слыша шум внутри, люд снаружи опять качнулся ближе, напирая на створки; гриди отворили, выставили щиты и древки копий, не давая больше никому пройти внутрь.

– Побили полян! – кричали выходящие в толпу. – Полегла вся рать наша! Вся как есть полегла! От молний сгорела!

Толпа завывала, заревела; до того люди надеялись, что слухи лгут и войско идет следом за князем, но теперь надежды рухнули. У створок завязалась настоящая драка между гридями и киянами, напиравшими, чтобы прорваться во двор. К счастью, кияне не запаслись никаким оружием, и гриди, действуя плоскостью щитов и древками копий, выпроводили самых рьяных и сомкнули створки. Не все бояре успели выйти, но открыть ворота больше было нельзя. Гриди, отдохавшие в дружинных избах, высыпали во двор, на ходу опоясываясь, держа топоры и копья под мышкой. Снаружи не утихали крики толпы. Раздался звук удара: в воротную створку запустили не то поленом, не то камнем.

– Божечки! – Ельга-Поляница, стоявшая у дверей гридницы, подавила желание взять Свена за руку. – Как страшно! Они же нас всех сметут!

– Кто ползет – я разберусь! – успокоил ее Свен.

– И не уехать.

– Побудем покуда. Фарлов их разгонит, я ему велел наготове быть, если какое возмущение...

Ельга огляделась и заметила Нежигу, тиуна. Сделавшись здесь хозяином, Ингер поставил своего человека, из холмгородцев, следить за хозяйством, а Рагвида, прежнего Ельгова управителя, Свен забрал к себе, на свой новый двор.

– Поди передай госпоже, что хочу с ней повидаться, – велела Ельга и посмотрела на бывшую избу своего отца, где три года назад водворился новый киевский князь с женой. – Надо нам перемолвиться кое о чем.

* * *

Как ни мало Прекрасе хотелось сейчас видеть золовку, отказать ей она не могла. Войдя вслед за Ельгой, Свен сразу увидел Прекрасу – одетая в ярко-красное греческое платье, та сидела на ларе, гордо выпрямившись и чинно сложив руки, украшенные несколькими витыми золотыми браслетами. Это платье сама Ельга подарила ей, когда брат с женой только сюда приехали, браслеты были из Холм-города, из сокровищ Ингерова отца, Хрорика. Яркий праздничный наряд давал понять, что приезд мужа для нее радость и счастье, с чем бы тот ни прибыл. Но, вопреки тому, лицо Прекрасы было почти так же бледно, как белый шелк ее убруса. Следы слез и горя с него исчезли, и только отрешенность, показное безразличие давали знать, что на сердце у нее нелегко.

Ельга подошла поцеловать ее, и Прекрасе пришлось встать ей навстречу. Свенгельд вежливо поклонился, Прекраса ответила небольшим кивком. Она с самого начала невзлюбила сводного Ингерова брата, вполне справедливо видя в нем главную угрозу их благополучию в Киеве. Еще три года назад она пыталась избавиться от него совсем, но убедилась, что побочный сын старого Ельга не по зубам ее покровительницам из речных глубин. С тех пор она больше не посягала на его жизнь, но ее ненависть к Свенгельду только крепла. Перечень его вин в ее глазах был длинным. После столкновения с ним она лишилась их с Ингером первенца. Когда умер второй ребенок, княжеская чета осталась по сути опять бездетна, а у Свенгельда от его румяной жены-древлянки за три года родилось трое детей, один мальчик и две девочки, и все они оставались живы. Ельга-Поляница, почитаемая в Киеве почти как богиня, была гораздо ближе к Свенгельду, чем к Ингеру, тоже ее брату, и, как не сомневалась Прекраса, охотнее увидела бы на княжьем столе его.

Ингера гости заметили не сразу и даже было удивились, куда он делся – у них на глазах он направился из гридницы в избу. Потом Ельга обнаружила его: он сидел на дальнем краю скамьи, свесив голову. Ему было все равно, что брат-соперник видит его позор, не было сил беспокоиться еще и об этом.

– Сестра! – Ельга взяла Прекрасу за руку и пожалала, но та осталась неподвижной и смотрела на нее без приязни. – Крепись, тоске не поддавайся. Сейчас всем нам тяжело и горько, но время пройдет, все уляжется. Боги не допустят нас до большей беды. Ингер живым воротился, и то счастье. Но сейчас не следует медлить и прятаться. Нужно устроить принесение жертв в благодарность за то, что князь вернулся живым, за то, что боги уберегли его от смерти в том огне. А потом – поминальный пир по всем погибшим. Мы за угощением не постоим, заколем скот, наварим меда и пива, Ворон и Братица будет петь славы всем павшим витязям. И кияне простят, когда князь поднимет с ними чару за их погибших братьев. Но важно ему сейчас показать, что он принимает... – она с сочувствием взглянула на Ингера, но он не повернулся к ней, русые кудри падали на его опущенное лицо. – Показать, что он поражение, брань и горе готов встретить, как врага в бою, с поднятой головой. Ведь ты же знаешь, – оставив Прекрасу, Ельга сделала несколько шагов к Ингеру, – благородный человек не склоняется под ударом, даже если судьба к нему недобра. И только к стойкому она когда-нибудь повернется лицом.

Ингер наконец поднял голову, запустил пальцы в волосы и встряхнул их, но на сестру не взглянул.

– Тебе легко говорить... о судьбе! – Прекраса пыталась произнести это с насмешкой, но в ее голосе прорывалось отчаяние. Кто знал о судьбе больше нее, кто лучше понимал цену сделок с суденицами! – Тебя судьба с колыбели бережет! Твой брат оставался дома, – она метнула в Свенгельда неприкрыто враждебный взгляд, – когда мой муж пошел под огонь неугасимый, под молнию с неба!

– Я дома оставался! – возмутился Свен и шагнул к ней, кладя руки на пояс. – Будто я хотел дома сидеть! Ингер сам так решил, скажешь, нет? Ты сказал, чтобы я древлян сторожил, стол твой берег, пока ты с войском за морем будешь! Я и сберег! Все, что мне оставлено было! А уж коли ты не хотел со мной добычей делиться, то и твой позор я делить не обязаный!

– Ты не получишь стол! – Прекраса тоже шагнула к нему, хотя перед рослым, сильным Свеном выглядела как птичка, вздумавшая напасть на быка. – Ты как был сыном рабыни, так и остался! Этого не изменить, даже если ты поставишь себе двор в десять раз больше и накопишь в десять раз больше всякого добра!

– Я сын рабыни? – Свенгельд стиснул зубы, ноздри его дергались от сдержанного бешенства. Он пришел сюда вовсе не ругаться с Ингером и тем более его женой, но Прекраса своими попреками выводила его из себя. – Да! И тем для вас хуже! Может, я и сын рабыни, но удачи у меня побольше, чем у иных каких! Когда я был в войске, мы в один день разбили древлян! Я за одну зиму их в покорность привел! А когда твой молодец пошел в поход сам, то оказалось, удача-то руси дома осталась!

– Прекратите... – Ингер с неохотой поднялся и шагнул к ним; этот спор лишь растревал его душевные раны.

Но они его не услышали.

– Удача! И вы смеете об удаче говорить! – Прекраса глянула на Свенгельда, потом на Ельгу. – Свой стол Ельг оставил Ингеру! А его удача княжеская где? Ты украла ее! – она повернулась к Ельге, и голос ее дрогнул, на глазах блеснули слезы, одолев усилия их сдержать. – Ты отдала удачу твоего отца сыну рабыни!

У нее было смутное ощущение, что любовь Ельги-Поляницы, как живого воплощения земли Полянской, может наделить удачей, и она не могла простить золовке, что та из двоих своих братьев предпочитает наглого сына рабыни, а не Ингера, законного отпрыска благородного владыки.

Ельга шагнула назад. Сцепила руки, сглотнула, не зная, что сказать. Глубоко вдохнула.

– Перестань! – Ингер подошел к Прекрасе, обнял ее, отодвинул от тех двоих и заставил снова сесть на прежнее место. – Удачу не украсть, это же не курица. Боги за что-то в обиде на меня. Мы – Ельгов род, все четверо. Его удача с нами. Нам надо не вздорить между собой, а искать способ вернуть ее. Пробудить. Ты верно говоришь, сестра, – он взглянул на Ельгу, – мы должны принести жертвы и сделать поминальные столы, как можно скорее. Если кияне опять разделят со мной жертвенное мясо, они успокоятся и не будут кричать... это все.

Свенгельд взглянул на него с невольным уважением. Ингер сумел взять себя в руки и теперь спешил утвердить свои права перед киянами, близкими к мятежу. И он прав: совместное жертвоприношение подкрепит зашатавшийся союз между молодым князем-варягом и землей Полянской. Из обвинителей поляне вновь превратятся в его союзников и будут общими усилиями искать способ поправить дела.

Вот только Свен сомневался, что желает Ингеру удачи в этой затее.

– Если вы согласны, – голос Ельги слегка дрожал, но в своем решении она была тверда, – я нынче же призову киян на Святую гору.

– Спасибо, – кивнул ей Ингер. – Богатой добычи мы не привезли, но пара бычков для Перуна у нас еще найдется.

Прекраса не смотрела на родичей, когда они прощались, – сидела на ларе, отвернувшись, Ингер держал руку на ее плече. Его бедной жене горе попутало мысли, иначе она не обвинила

бы Ельгову дочь, новую Деву Улыбу, в краже княжеской удачи. Дочь перевозчика порой еще прорывалась в Прекрасе, пусть она уже три года была женой князя. Но Ингер не осуждал ее. И на это ее толкала все та же причина – любовь к нему.

Свенгельд и Ельга-Поляница ушли, дверь за ними затворилась. В избе настала тишина, никто не решался первым заговорить. В глубине души Прекраса знала, что неправда. Не Ельга похитила удачу Ингера. Он лишился ее три года назад, когда повстречал на реке Великой водяницу в облике белой утки. Договором с Прядущими у Воды Прекраса спасла ему жизнь, но вытянуть потерянную удачу не сумела.

А это значит, она должна эту удачу ему заменить.

Когда Свен и Ельга вышли во двор, здесь уже все почти успокоилось. В ворота больше никто не ломился, и хотя кияне еще стояли кучками, на все лады толкуя о печальных новостях, выехать можно было свободно. Фарлов, сотский Свенгельдовой дружины, с тремя десятками отроков ждал своего господина. Кияне провожали Ельговых детей глазами, но не окликали.

Ельга придержала коня. Народ дрогнул и подался ближе к ней.

– Люди добрые! Передайте старейшинам вашим, что завтра в полдень я зову их на Святую гору. Будем говорить о поминальных жертвах.

Никто не ответил, и это был неплохой знак. Ельга поехала дальше, за ней следовал Свенгельд с телохранителями и Фарловов, потом шла его дружина. С тех пор как Прекраса бросила свое обвинение, Свен не произнес ни слова и был рад, что может помолчать.

Русалка, как они с Ельгой тайком прозвали Прекрасу, и сама не знала, насколько права. Три года назад, когда Свен впервые после смерти отца собирался в Деревя, Ельга вручила ему старый меч, который нашла на дне Ельгова ларя. Никто из них тогда не знал, что это за оружие, откуда взялось и почему они никогда не видели его у отца в руках. Свен узнал об этом от самого Одина, чья воля наделила Друга Воронов особой силой. Духи-пленники меча стали служить ему, и тогда он выяснил, как его отец приобрел славу вещего и способность добиваться успеха в любом деле. Еще бы, с такими-то помощниками! В Друге Воронов и жила его удача, вовсе не умершая вместе с ним. Не зная об этом, Ельга еще до приезда Ингера передала ее сводному брату. Не сделай она этого, Друг Воронов так и лежал бы в ларе, пока не перешел бы к Ингеру заодно с прочим наследством.

С тех пор любовь Свена к сестре была замешана на почтении и благодарности. Ельга устроила его судьбу и наделила удачей, стала его берегиней, норной, валькирией. Какая же это кража, думал он с обидой за нее, Ельга ведь не знала, что своим решением передает отцовскую удачу сводному брату, обделяя двоюродного. Она сделала это по неведению, а значит, на этот поступок ее толкнула воля высших сил.

Судьба сильнее даже богов. Но судьбу каждого, бога или смертного, определяет тот выбор, который он в переломный час делает сам. Свен выбрал идти вперед, не зная страха и не сдаваясь, еще пока был просто сыном северянской пленницы. Он завоевал свою награду, пренебрегая угрозой гибели, и никому не собирался ее отдавать.

Глава 2

– Первое дело, чтобы они пришли, – сказала Ельга, когда Свен провожал ее на Девичью гору. – Если бояре придут, то отказаться принести жертвы не смогут. Но если они не придут...

– Если не придут, значит, наш родич уже пошел к лешему, – буркнул Свен. – Я по нему плакать не стану. Сидит он у меня уже вот где, с бабой своей перевозчицей! Пусть валит на... на перевоз, ляд его бей!

– Наш отец выбрал его в наследники! – напомнила Ельга, строго глянув на брата.

– Эту бабу наш отец ему не выбирал! Он взял в жены простую девку и через нее удачи лишился! Он уронил себя и наш род! Не мог найти жену поприличнее? Умных людей бы попросил, уж высватали бы ему в хорошем роду!

– Он не первый, кто польстился на женскую красоту и пренебрег происхождением, – заметил Фарлов, ехавший с другой стороны от Ельги. – Такие браки погубили немало достойных мужей.

– Через десять лет от ее красоты ничего не останется, а вот его честь она загубила навеки! – горячо продолжал Свенгельд. – Вы видели: она до сих пор, как через двор идет, платье поднимает!

– Перестань! – попыталась унять его Ельга. Она понимала, почему брат так ополчился на невестку: кому же приятно, когда дочь перевозчика попрекает мужчину и воина происхождением от рабыни? – Не всем же так повезло, как тебе: взять красивую, здоровую, плодовитую женщину и к тому же хорошего рода!

– Надо знать, где искать... – проворчал Свенгельд, несколько умиротворенный.

Свою будущую супругу он присмотрел в то время, когда она была младшей женой малинского князя Боголюбца, и не спешил опровергать лестное для него убеждение киян, будто Ружана при первом муже была «княгиней древлянкой» и он добыл ее точно так, как удалой молодец из сказания добывает жену повергнутого кагана Аварского. После троекратных родов Ружана раздалась, стан ее округлился, и со двора она теперь выходила не в дерге, а в цветном греческом платье, голову украшала не цветами, а золотыми моравскими подвесками. Но по-прежнему яркий румянец заливал ее лицо от прилива любого чувства или от смеха; окруженная малыми детьми, она казалась воплощением живоносной силы земли. Несмотря на враждебное чувство, которое кияне питали к ее родному племени, именно она в последние годы начинала жатву в земле Полянской, и это тоже придавало веса ее мужу. Перед ней Прекраса, хоть и была чуть моложе, смотрелась холодной тенью.

– Но ладно бы он сам со своей лоскотухой⁵ тешился! – продолжал Свен, в возмущении потрясая плетью. – Но он нам ее в княгини навязывает! Он запятнал свою славу и тем оказал дурную услугу нашему роду, я скажу! Но он из-за нее лишился удачи, а хочет, чтобы вся земля Русская за ним по борозде пошла! Вот чего я не хочу!

– Если бы люди выбирали себе владыку по достоинству и роду жены, то я не сомневаюсь, кто из вас уже завтра сел бы на старую Ельгову подушку! – насмешливо заметил Фарлов.

– Люди поступили бы умнее, если бы так и сделали! – буркнул Свен. – Чем наш отец, который выбрал наследника, даже на него не взглянув!

Дальше они ехали молча: Ельге не нравилось, что ее брат осуждает решения отца, но она понимала: у него есть для этого основания.

– Не зря еще с каких пор люди говорят: русалка она, потому у нее и чада не живут, – добавил Свен чуть погодя. – Так и будет мертвых приносить! Не чад, а поленья, головешки, лягушек и жаб! После них опять наследников не останется.

⁵ Лоскотуха, навка, мавка – русалка.

– Есть твои дети, – сказала Ельга. – Они тоже внуки нашего отца, и их мать – не рабыня.
– Ты можешь намекнуть на это боярам, – предложил Фарлов. – Осторожно. Чтобы они о главном сами догадались.

– Нужно сделать так, чтобы все они завтра явились, – подхватила Ельга. – Я бы тебе посоветовала послать людей хотя бы к лучшим. К Вячемиру, Ворону, Добросту, Вуефасту, Витиславу, Станимиру... и к Хотену тоже.

– Я его чуть не прибил! – успокоившийся было Свен снова разъярился. – Хорошо, дед его увел, а то бы он у меня доорался!

– Отправь к нему Асмунда. Он человек вежливый, и когда глупец смотрит на него свысока, он в ответ смотрит на него... как на глупца, да и все, – Ельга улыбнулась. – Но пусть убедит его пожаловать на Святую гору. Лучше пусть он при нас свои мысли явит, чем будет ходить по дворам и мутить людей.

– Это ты, госпожа, очень верно заметила, – уважительно кивнул Фарлов. – Как жаль, что ты родилась женщиной! Из тебя вышел бы наилучший конунг!

Свен еще что-то ворчал себе под нос, но совету внял и отправил своих десятских к боярам: поговорить и убедить, как важно им всем собраться еще раз и обсудить способы вернуть земле Русской милость богов. Больше того: уже под вечер, чувствуя нарастающее волнение, решил съездить к Вячемиру сам. Старик был уважаем в Киеве за свои почтенные лета, происхождение от первых насельников киевских круч, за мудрость и добрый нрав. Старшим жрецом всегда выступает сам князь, но, поскольку Ингер был все же еще очень молод, ему помогали советом и делом более опытные мужи: Вячемир и Ворон. Имеющие внуков, они находились ближе к дедам и лучше слышали голоса богов. В различных спорах и тяжбах тот, кто заручился поддержкой старика Вячемира, мог считать свое дело выигранным. И сколь ни лестно было Свенгельду думать, что вождь сильной дружины всегда сумеет доказать свою правоту, три года, когда он держал в руках настоящую власть, убедили его, что веским словом добиться своего не менее почетно и куда более выгодно, чем острым железом.

Без меча он из дома почти не выходил – Друг Воронов казался ему не просто оружием, но чем-то вроде товарища, советчика и покровителя. Душа его уже приросла к этому клинку, зная, что по смерти там и найдет себе новое обиталище.

«Щит возьми», – шепнул голос Уббы в голове, когда Свен надевал перевязь.

– Что? – от неожиданности он задал свой вопрос вслух и замер.

«И шлем», – добавил другой голос, кажется, Бергера.

– Что вы меня морочите! – после целого дня споров и размышлений у Свена не осталось сил для общения с незримыми помощниками. – Что я, как дурак, по своему городу с щитом и в шлеме разъезжать буду? Может, еще кольчугу надеть? Чтоб всякий встречный со страху обделался?

«Да недурно бы», – хмыкнул юный Хольти.

– Отвяжитесь! – злобно бросил Свен. Иногда незримые помощники казались ему сворой лающих псов, которых хотелось пришибить, чтобы замолчали. – К деду старому еду, он на меня ратью не пойдет!

– С кем ты толкуешь? – Ружана, кормившая младшую дочку и всецело увлеченная ею, наконец расслышала голос мужа и уставилась на него, бранящегося с дверным косяком.

– С кем, с кем... с домовым! – буркнул Свен.

Хозяйка не знала, что в ее доме имеются десять жильцов, совершенно ей неведомых.

– Гляди, Радуша, батька шутит! – засмеялась Ружана. – Какому тут быть домовому, когда сам двор третий год стоит? Мои дедки разве, – она кивнула на свою скрыню⁶, привезенную из родного дома. – Да они не сердитые у меня!

⁶ *Скрыня* – сундук, ларь. То же – укладка.

По очень древнему обычаю, невесте в земле Деревской клали в скрыню с приданным еще и «дедов», чтобы они оберегали женщину на чужбине. Иной раз обиталищем «дедов» считался клубок пряденой шерсти, иногда тряпичная кукла, сшитая из одежды давно умершей бабки, иногда куриная косточка. Мать самого Свена, взятая как полонянка, никакой скрыни, конечно, в Киев не привезла. И ему нравилось, что у Ружаны скрыня есть – пусть та перед тем постояла несколько лет в доме старика Боголюба-Мала. Его дети растут под присмотром материнских «дедов», и когда дочерям придет пора идти замуж, Ружана сделает «дедов» и для них. «Дедов», выходит, порождает «деды» старших поколений, как от головни можно поджечь новое полено и передать огонь дальше...

К Свену подошел двухлетний сын, Лют, и вцепился в ноги. Если при его рождении кияне могли сомневаться, кто его отец – Свенгельд или Боголюб-Мал, то сомнения эти давно рассеялись: даже в годовалом возрасте Лют был настолько похож на Свена, насколько это возможно при такой разнице в возрасте. Одно лицо, только улыбался Лют чаще.

Мои дети будут лучше меня, думал Свен, подняв на руки своего первенца. Знатнее и богаче. Их никто ничем не посмеет попрекнуть.

Светловолосый Лют тыкал пальчиком в красивую литую пряжку ремня на его плече и что-то лепетал.

– Это меч, дитяtko, – пояснил Свен. Он не мог дождаться, когда первенцу исполнится три года, ему подстригут волосы и посадят на коня, зачисляя в сословие воинов-всадников, после чего он сможет говорить о нем «мой сын», а не «чадо». – Через десять лет и тебе такой справим. Сам поедешь на рать, добывать чести и славы. Но и отец тебе подсобит.

Лют выслушал и деловито попытался укунить пряжку перевязи.

* * *

Вячемир, увидев на своем дворе Свенгельда, не удивился и даже что-то хмыкнул, будто ждал этого гостя. Он обитал на горе Щекавице, где его предки сидели еще до того, как Кий со своим родом прибыл на эти кручи с левого берега Днепра, и принадлежал к потомкам древлян, которые в начальные времена выселились из «деревов» в «поля». В роду его бытовало предание, будто само название «поляне» возникло от имени вожака тех переселенцев – Полянина Удалого, из всех наимудрейшего. Говорили, что путь к этим кручам ему указали боги и белый его конь.

Двор Вячемира был велик и застроен десятком земляных изб, где обитали его родичи, однако далеко не все. В каждой семье старшие сыновья, собираясь жениться, ставили себе избу не здесь, а где нашлось место, на склонах киевских гор и при разных урочищах, на Подоле. Все они почитали Вячемира, нынешнего старейшину древнего рода, и слово его для всех было законом. До того как при Ельге Вещем возник Подол, почти все население Киева, включавшего пять вершин, принадлежало к тому или другому роду, в разное время здесь поселившегося, – кто по рождению, кто по женитьбе. «Старшие» роды, чьи предки пришли раньше, и сейчас пользовались наибольшим уважением. Поэтому так важно было для князя сохранять хорошие отношения со старейшинами – все вместе они держали в руках народ, где каждый был бы проклят чурами, вздумай идти против воли старших. По существу, управлять полянами князь мог только через старейшин. Князь-Пахарь исконного рода, каким был Щек, был отцом для всех других глав племени, но князь-воин варяжского рода, из тех, что правили здесь уже почти сто лет, поссорившись с боярами, сохранил бы единственное средство управления – военную силу.

Водимая жена Вячемирова давно умерла, в доме хлопотали две младшие жены, сами уже далеко не молодые, и несколько отроков их потомства. Свена провели в «большой угол» – почетное место для гостей-мужчин. Высокого стола, как на княжьем дворе, здесь не было, и

обязательный хлеб и соль в берестяной солонке по старинке стояли на большой скрыне, покрытой белым вышитым полотном. Она называлась «великая скрыня» и считалась средоточием и богатства, и духа дома. К ней подвинули лавку, Вячемир пригласил Свена садиться и сел сам, отрезал кусок хлеба, обмакнул в соль и подал гостю. Обычай требовал прежде всего предложить гостю хлеб, а Вячемир был сам как живой обычай.

– Сестра меня послала, – Свен надеялся, что в священном деле ссылка на сестру придаст больше веса его просьбе, – велела просить тебя пожаловать завтра в полдень на Святую гору. Обговорить нужно, как почтить жертвами богов в благодарность за то, что сохранили нашего князя от огня на воде, позволили домой невредимым вернуться. И как будем поминальные жертвы приносить за тех, кто не вернулся...

– Из моих родовичей три десятка молодых и отроков на рать с Ингером ушли, а воротилось десять да один, – спокойно ответил Вячемир, но глубокая скорбь виднелась в его глубоко посаженных глазах под кустистыми бровями, читалась в резких глубоких морщинах высокого лба.

К старости у него появилась привычка пожевывать пустым ртом, будто он пробует на вкус слова, которые намерен произнести, и Свен смотрел на это с невольным ожиданием. Однако взгляд Вячемира оставался острым и умным, и оттого казалось, что из этой довольно дряхлой оболочки смотрит нестареющая мудрость веков. Свен, находясь в расцвете сил и привыкший на них полагаться, испытывал легкую жуть перед этой силой совсем иной природы.

«Скажи, что часть из них еще вернется, – шепнул ему голос Уббы сына Рагнара. Этот дух был наиболее общительным из пленников меча, и его Свен слышал чаще остальных. – Человек семь или восемь. Скажи, он увидит их весной».

– Всех-то поминать рано, – произнес Свен вслух, надеясь, что старик не приметил его заминки. – Иные воротиться могут, но попозже... весной.

– На Весенние Деды, что ли⁷? – недоверчиво усмехнулся Вячемир.

– Нет, живыми. Может, семь человек, может, восемь... или весь десяток, – расщедрился Свен. – Удача князя ослабла, да не иссякла. Она еще поможет киянам. Но для этого и вы должны поддержать его и принести общие с ним жертвы. Ведь ты понимаешь: любовь народа к вождю и любовь богов взаимно порождают одна другую. Поддержите Ингера в глазах богов, его удача окрепнет и поможет еще кому-то из ваших родовичей вернуться к дедову очагу.

– А тебе откуда сие ведомо? – Вячемир взгляделся в сидевшего напротив него тридцатилетнего воеводу – рослого, цветущего здоровьем, составлявшего словно одно целое со своим мечом, который он, садясь, привычно ставил концом на пол между ног.

– Ты помнишь отца моего, Ельга? – спросил Свен, помедлив.

Открывать свою тайну он не собирался никому, но само ее наличие придавало ему веса в глазах киян.

– Помню.

– Помнишь, как прозвали его Вещим?

Вячемир кивнул.

– А за что?

– Мудр был... – вздохнул Вячемир, жалея не столько о мудрости покойного князя, сколько о своей молодости, когда был ей свидетелем. – Скрытое видел, в тайное умом проникал.

– Я – его родной сын. Из семерых его сыновей, на свет рожденных, я вот один перед тобой сажу.

– Скажешь, тебе его хитрость в наследок досталась?

⁷ *Весенние Деды* – один из сроков поминания умерших, когда те в виде духов приходят на угощение в свои прежние дома.

– Не вся, но есть немного, – уклончиво ответил Свен. – До весны обожди, а когда воротится кто ни то из твоих родовичей, ты слова мои нынешние вспомни.

– Дадут боги дожить – вспомню, – Вячемир кивнул, лицо его несколько посветлело: против воли он верил воеводе, надежда поникла в сердце, дышать стало легче.

– Так придешь на Святую гору?

– Приду. Коли есть за что богов благодарить, медлить негоже.

– А станут тебя люди спрашивать, как им быть... – Свен помедлил, не решаясь давать старцу советы.

– То же им скажу. А ты вот что, – поколебавшись, Вячемир поднял руку, будто хотел тронуть Свена за плечо, но передумал. – Ты Хотена остерегайся. Он-то не ждет, пока люди его спросят, весь день по дворам ходит, речи ведет... недобрые.

– Какие – недобрые? – Свен прищурился. – Против князя мутит людей?

– Не хочет неудачи вам простить, и многие слух к его речам склоняют. Уж больно горько людям. Много потеряли мы, – Вячемир опять вздохнул, – и воев, и припасов, и всякого добра. Чуть не в каждой избе баба причитает по кому – по сыну, по внуку, по брату, по мужу. А когда горе у людей, душа виноватого требует. Кого ж еще винить, как не князя? Он людей из дому увел, славы и добычи обещал, Ельга вспоминал, Кия даже вспоминал, который тоже, бают, в Царьграде бывал. А у нас вон как вышло – не то что чести и дани, а и сам Царьград увидеть не пришлось. Молнии с неба! Огонь, на воде горящий! Я восьмой десяток живу, а не видел никогда, чтобы молнии людей били по чьей-то воле. Видно, уж очень сильны боги греков, те им угождать умеют. А наши, видать, слабее оказались, либо князь им не угоден. Войско потерял, добычи – ни на чих, сам впроголодь до дому доехал. Где уж тут удача? Себя чуть не сгубил да и нас за собой тянет...

Свен хорошо помнил, как только сегодня почти те же слова говорил об Ингере своей сестре. Но если он знал, какое средство предложить от сей болезни, то мысли старейшин ему были неведомы.

– Из-за жены князь свою удачу потерял! – вырвалось у Свена, хотя он не собирался об этом говорить. – Взял жену себе не по роду, не в версту, оттого и счастья ему нет. Да и что она за жена...

Он махнул рукой и поднялся, прощаясь.

* * *

Когда Свен выезжал с Вячемирова двора, уже вечерело. Четыре всадника – впереди один телохранитель, потом сам воевода, потом еще двое, – проехали между избами на Щекавице, спустились по склону и тронулись к подножию Киевской горы. Пространство между горами почти не было застроено, днем здесь паслись козы, на удобных местах тянулись огородные гряды за плетнями. Склоны кручи частью были заняты избами, частью заросли кустами. У подошвы Киевской горы раскинулся малинник, в котором, как говорили, ягоды были «сила несусветная». В конце лета здесь часто мелькали белые сорочки детей и девушек, искавших ягоды. Ради того малинник оберегали от вырубки и старались зазря не вытаптывать; через него в разных направлениях проходило несколько тропинок. Самая широкая, наезженная тропа рассекала его на две части и поднималась по склону к вершине.

«Впереди засада, – вдруг сообщил голос Уббы. – Не ездь напрямую, обогни эти кусты справа».

Свен свистнул, привлекая внимание едущего впереди всех Торберга, и велел:

– Объедем справа. Здесь нечисто может быть. Щиты поднять.

Сам он ездил по городу без боевого снаряжения, но у его телохранителей щиты и шлемы были всегда с собой. Не спрашивая, откуда у воеводы эти подозрения, оружники подняли щиты

и тронулись по другой тропе, в обход той части малинника, что лежала справа от срединной тропы. В одной руке держа поводья, другой рукой каждый сжимал сулицу и пристально вглядывался в темнеющие кусты.

Они миновали заросли уже более чем наполовину, когда за плотно сплетенными ветвями послышалась возня, как будто кто-то поспешно продирается через плотные заросли колючих кустов в человеческий рост. Свен успел заметить, как в двух местах кусты трясутся, как вдруг голос Уббы уверенно велел:

«Пригнись!»

Свен повиновался не задумавшись. И тут же ощутил, как над ним пролетела стрела, всколебав прохладный вечерний воздух. Торберг вскрикнул и погнал коня в кусты, где заметил движение. Свен, пригнувшись и прячась за лошадиной головой, выхватил меч и тоже устремился в заросли.

Оттуда вылетели еще две стрелы. Краем глаза Свен успел заметить, как Торберг валится с коня среди кустов, но продолжал скакать вперед, торопясь добраться до стрелков и не дать им прицельно выстрелить снова. Сзади донесся крик Ульвида, но выражавший скорее досаду, чем боль. Бегло оглянувшись на шум, Свен заметил, что лошадь Ульвида бьется на земле, а оружник пытается выбраться из-под упавшего животного.

В это время Свен наконец увидел стрелков – трое, держа луки в руках, пытались скрыться в зарослях. Но если лошадь проходит через кусты почти так же легко, как по траве, то человеку пробраться через малинник, цепляющийся на каждом шагу за всю одежду, хлещущий колючими плетями по лицу и шее, это дается далеко не так просто. На глазах у Свена один запнулся о ветки, споткнулся и упал лицом в кусты. Шатун, третий телохранитель, в это самое время метнул сулицу, собираясь поразить беглеца в спину; останься тот на ногах, она вошла бы между лопаток, но, когда тот упал и повис на кустах, сулица ударила его пониже спины. Раздался вопль.

Оставив упавшего Шатуну, Свен погнался за еще одним. Тот, видя, что лошадь уже в нескольких шагах, а кусты стоят со всех сторон стеной, отбросил лук, сел на землю и закрыл голову руками. Меч Свена свистнул у него над головой – воевода в последний миг сдержал удар, которым мог бы снести беглецу голову, и срезал несколько веток. Спрыгнув с коня, Свен повалил беглеца, сел на него и заломил руки за спину.

Отчаянно продираясь через помятые кусты, по лошадиному следу к нему подбежал запыхавшийся Ульвид. Он слегка хромал, на лице и руках краснели свежие царапины.

– Ты цел? – выдохнул он.

– Да. Вяжи этого. Есть чем?

– На седле... веревка. А пока поясом скручу.

Из зарослей, где скрылся третий стрелок, доносился треск. Свен снова вскочил в седло, но, оглядевшись, увидел только висящий на кусте лук. Не видя смысла в преследовании, он повернул коня и тут же заметил Шатуна: тот выехал ему навстречу, придерживая связанного пленника, переброшенного через круп лошади.

– Взят?

– А куда он денется, в мягкое раненый!

– С Торбергом что?

– Да похоже, что все. Раз ты цел, поедем назад.

Вдвоем Шатун и Ульвид подняли на круп Свенова коня второго пленника, и все тронулись через поломанные кусты обратно к тропе. Сначала им попала лошадь Ульвида – стрела угодила ей в шею, и тот принялся поспешно снимать сбрую и седло. Потом нашли тело Торберга – он был убит наповал, его лошадь стояла, беспокойно размахивая хвостом, в трех шагах.

К этому времени уже так стемнело, что кусты сделались неразличимы. В небе зажглись крупные, спелые, налитые лунным соком осенние звезды, и было их так густо, что, казалось, и месяц не проберется, не наступив на какую-нибудь.

– Живее, парни! – Свен сам поднял тело Торберга и взгромоздил на осиротевшую лошадь. – Ульв, еще веревка есть? Снимай того беса, который целый, привяжи, пусть сам идет. И двигаем быстрее до дому!

Первый пленный висел на лошади Шатуна раненой задницей кверху, а тот, что благоразумно сдался и уцелел, бежал со связанными руками, привязанный к лошади Свена. На лошади Торберга везли его тело, перекинутое через седло, Ульвид вел ее под уздцы. Благодаря этому двигались не очень быстро и пеший пленник поспевал – иначе худо бы ему пришлось, вынужденному бежать вверх по склону по неровной тропе, освещенной лишь светом звезд.

Киева гора была укреплена частоколом над подрезанными склонами. У ворот укрепления стоял десяток из дружины самого Свена под началом Ольгера. Помня, что воевода уехал на Щекавицу, его ждали, не запирая ворот; на шум движения вышли с факелами, и, едва трое вернувшихся вступили в круг света, раздались удивленные и негодующие крики.

– Как тут внутри – все тихо? – спросил Свен десятского.

Он еще не понял, кто пытался убить его, устроив засаду в малиннике, и хотя на княжеских гридей стрелки никак не походили, новая опасность могла ждать где угодно.

– Ворота запереть, – распорядился он, – я сейчас вам еще десяток на подмогу пришлю.

– Это кто же на вас?.. – Ольгер переводил взгляд с тела убитого на обоих пленных.

– А вот дома буду – погляжу. Скоро буду знать.

До своего двора Свен добрался без новых приключений. На дом его никто не покушался, свободные от дозоров оружники уже было улеглись спать – стемнело, а пора, когда в домах жгут огни, еще не настала, – но он послал Ульвида поднимать всех и приказал вооружаться. Шатуну велел доставить пленных в гридницу и вслед за ним направился сам.

Хлопая плетью по ноге, Свен с нетерпением ждал, когда сможет при свете огня взглянуть на пленных и задать им вопросы. Гораздо раньше, чем настанет утро, он будет все знать – кто посадил лучников в малинник и почему. Только не знал еще, что будет делать, если это все же окажутся люди Ингера... Ему хорошо помнился взгляд Прекрасы, полный ненависти и презрения. «Ты отдала удачу твоего отца сыну рабыни!» – крикнула она Ельге, всего лишь нынче утром, и в голосе ее Свен ясно расслышал убеждение: его она и считает виноватым во всех своих бедах.

Ингер ведь не глуп и хорошо понимает, как непрочно его положение на Ельговом столе. И кто стоит у подножия, в нетерпении ожидая своего часа, понимает тоже. Свен ничуть не удивился бы, если бы узнал, что Ингер хочет от него избавиться. Оба они, не враждуя напрямую, мешали друг другу самим своим существованием. Но сил для открытой борьбы князь сейчас не имел: его дружина сильно уменьшилась в числе, люди были утомлены неудачным походом, многие еще страдали от полученных ран, в то время как пять Свенных десятков оставались здоровы и бодры. Понимая, что для отстаивания своих прав у него остался всего день, Ингер, по наущению жены, вполне мог посадить троих лучников в малинник. А скорее, еще двое-трое ждали слева от главной тропы, прикинул Свен, чтобы расстрелять едущих сразу с двух сторон. Но те остались совсем не у дел, когда он решил не ехать по срединной тропе, а обогнуть малинник. У засады имелась прочная надежда на успех, но то, что им пришлось бежать через кусты, догоняя ускользящую жертву, эту надежду почти разрушило.

В гриднице зажгли несколько факелов. Привели второго пленного, и с первого взгляда на него стало ясно, что к гридям Ингера он никогда и близко не подходил.

– Ты кто такой? Чей? Кто послал? – спросил Свен, усевшись на хозяйское сидение и надменно разглядывая молодца, по виду, человека простого. Одежда спереди была выпачкана землей: он все же упал раз-другой, пока бежал за лошадью по тропе.

– Я чего... – тот, явно трусая, втягивал голову в плечи. – Не трожь меня, воевода. Горденка пусть отвечает. Он старший у нас. Его послали... А я чего мне велят, то и делаю.

– Давай сюда! – Свен махнул Шатуну, который как раз вошел в гридницу, неся на плече связанного раненого, будто овцу.

Противиться Шатуну и среди здоровых нашлось бы мало охотников: рослый и сильный, как медведь, с выпуклой мускулистой грудью, тот выглядел добродушным простачком, но на самом деле был далеко не глуп и никогда не терял присутствия духа. Славян в старой Ельговой дружине, которую унаследовал Свен, было всего несколько человек, но Шатуна он ценил выше многих варягов.

Скинув пленного с плеча, Шатун замялся, не зная, как с ним быть: сидеть тот не мог из-за раны, на ногах тоже едва держался. Обхватив его со спины, Шатун принудил того сохранять стоячее положение, а второй рукой взял за волосы и приподнял ему голову, чтобы Свен мог взглянуть в лицо.

Свен взглянул и охнул. Пленник избегал его взгляда, косясь в сторону, но Свен слишком хорошо его знал, чтобы не признать даже в таком странном положении. Перед ним был Гординег, младший брат боярина Хотинегга Гостынича.

* * *

Князь, в сопровождении Ивора с сестричем и десятком гридей, приехал в святилище, когда остальные уже собрались: у ворот стояли два десятка лошадей с охранявшей их челядью.

– Стой! – ехавший первым Ратислав вдруг придержал лошадь и поднял руку, призывая прочих остановиться.

– Что такое? – окликнул его Ингер.

– Гляди! – Ратислав показал плетью. – Вон пятеро Свенькиных отроков. Лошадей его десяток. И у всех щиты, шлемы и копья. На кого это он ополчился?

Ивор выехал вперед и встал рядом с сестричем, вглядываясь.

– Думаешь, на меня умышляет?

– А леший его знает! Обожди, я съезжу поговорю.

Ратислав уехал к валу, недолго побеседовал, не сходя с коня, со Свенгельдовыми отроками, сторожившими лошадей и снаряжение, потом вернулся.

– Говорят, на Свеньку вчера ночью засада была в малиннике у горы. Стреляли, отрока у него убили.

– Вот те раз! – охнул Ивор. – Это кто же?

– Не сказали.

Ратислав с Ингером переглянулись, и в глазах у обоих отразилась одна и та же мысль. Это не мы, а значит, Свенгельду желает смерти кто-то еще... не такая уж плохая новость!

Старый вал и ров Святой горы, давно не подновляемые, оплыли, густо заросли многолетними сорняками и теперь имели особенно унылый вид. Твердые стебли бурьяна колебались под ветром, будто качали головами при виде Ингера, молодца неудалого. Надо было валом-то давно заняться, с досадой на себя подумал он. Три года здесь сидит, мог бы уже стену возвести, как в Царьграде! Спрашивал по приезде киян, что у них городец в таком забросе – сказали, как при Ельге вал насыпали, так ни один враг и не приходил с тех пор. «Обороняться не на горе надо, а за пять переходов от нее! – сказал ему тогда Вуефаст. – Князь наш такую славу имел, что к нам ни один пес не смел сунуться – ни древлянин, ни печенег, ни хазарин, ни северя. Это и значит – сильный владыка!»

Ингер тогда понял, что старый варяг хотел сказать. Сильный князь врагов своих одолевает на их земле, а его дому стены крепостные не требуются. Наши стены – мечи дружины

нашей, как-то так говорил Фарлов и прочие старые хирдманы⁸. Ради этого понимания Ингер и задумал поход на греков – Ельгову договору с ними минуло тридцать лет и срок вышел. Но... оказалось, он, Ингер, не то же самое, что Ельг...

Гридей и лошадей Ингер тоже оставил у ворот, в святилище с ним прошли только Ивор и Ратислав. Оба, как и он сам, были при мечах. Помня, как вчера бурлящая толпа рвалась к престолу, Ингер стискивал зубы, стараясь собраться с духом. Не набросятся же они на него в месте священном! А если набросятся... это будет жертвенная смерть, вполне приличная для человека такого рода.

Свенгельд и Ельга-Поляница уже сидели напротив друг друга у верхнего края стола, где во главе пустое место дожидалось князя. На боку у Свенгельда, как сразу заметил Ингер, поблескивала чищеным серебром рукоять его любимого меча, но это ничего не значило – воевода без него почти нигде не показывался. Еще в первое свое лето здесь Ингер как-то спросил, откуда у него такой меч: клинок явно очень древней работы, а набор намного моложе. «Отец оставил мне», – коротко ответил Свенгельд. Ингер отметил про себя: не так уж Ельг пренебрегал побочным сыном, если оставил ему такое почетное и дорогое оружие. Значит, хотя бы *думал* о том, чтобы сделать наследником его... С тех пор вид этого меча почти каждый раз снова приводил Ингеру на ум ту давнюю мысль, а сейчас от нее особенно остро и холодно кольнуло в груди.

Ельга-Поляница, как Ингеру сразу бросилось в глаза, снова была одета в «печаль». Три года назад, когда он увидел ее впервые, она тоже носила «печаль» по отцу. Когда миновал год после смерти Ельга, она снова стала одеваться в цветное платье. Теперь же белизна ее одежд выражала скорбь по сгинувшим ратникам. Она, душа земли Полянской, не могла поступить иначе, но в этом Ингер невольно увидел упрек себе и своему поражению.

На лавках вдоль длинного стол теснились бояре, занимая места по старшинству рода, и все они тоже были одеты в «печаль». У каждого из старейшин пропал за морем кто-то из родичей, отосланных в войско, каждому было кого поминать. И только сейчас, увидев этот ряд белых насовов⁹ с тонкой черной строчкой, Ингер до конца осознал тяжесть своего положения. Погибшие остались там, в Босфоре, за много переходов отсюда. Но в лице своих родичей все они, все тысячи, сейчас оказались здесь, сидели перед ним, смотрели на него суровыми глазами, намеренные спросить ответа. Его неудача ударила по всей земле, по каждому в ней – даже по тем, кто не покидал родного дома.

При виде многолюдного собрания Ингер в душе заколебался: как это оценить? Обрадоваться или насторожиться? Если бы они вовсе не пришли, дело было бы куда хуже: это означало бы, что Киев отрекается от своего князя. Но с чем они пришли? Намерены поддержать его или осудить? Если он хочет склонить их на свою сторону, это нужно сделать сейчас.

Как водится, подняли чару, призывая дедов и богов к собранию в священном месте. Когда уселись, Ингер заговорил:

– Я позвал вас, кияне, чтобы решить, каким порядком будет приносить жертвы богам... в память ратников наших, что за морем остались. Я сам принесу бычка двухгодовалого в благодарность Перуну, что сохранил меня от молний, и жеребца трехлетнего – в память павших. Кто из вас даст сколько скота или припасов, чтобы почтить память ваших родовичей?

Это был обычный в таких случаях вопрос, но Ингеру потребовалось все его мужество, чтобы произнести эти слова ровным, уверенным голосом. Он был совсем еще молод – двадцать один год, но он вырос при отце, холмгородском князе, и Хрорик с детства обучал своего единственного наследника, каким должен быть князь. Ингер вырос с мыслью, что за ним стоят боги, что он на голову выше любого другого человека и не должен показывать даже тени неуверен-

⁸ *Хирдман* – (сканд.) – воин из дружины знатного человека.

⁹ *Насов* – архаичная мужская одежда из полотна, в виде широкой рубахи, надевалась на сорочку.

ности, как бы ни обстояли дела. За ним идут только до тех пор, пока верят в его силу. А в него верят, пока сам он чувствует в себе богов.

Князь замолчал, и повисла тишина. Ингер ощущал ее так, как будто сам висит в пустоте. Мгновение, другое... еще одно... еще... Казалось, уже нечем дышать, но никто не подавал голоса, чтобы его спасти. Бояре украдкой переглядывались, каждый ждал, что другой заговорит первым.

– Я дам бычка годовалого – угостить тех отроков моих, кто голову сложил, и милости Перуна попрошу для тех, кто, может, жив еще и воротится, – наконец нарушил молчание Вячемир.

Звук его негромкого голоса произвел оживление: взгляды всех обратились к старику, сидевшему на почетном конце стола, напротив Ивора. На лицах мелькнуло удивление, и вслед за тем многие оглянулись на кого-то еще, подальше от головы стола.

– Ждешь, что возвратятся твои? – недоверчиво хмыкнул Доброст. – Это какой же чародей тебе нагадал? Дай-ка я тоже к нему наведаюсь!

Вокруг засмеялись, хоть и невесело.

– Да я нагадал! – уверенно ответил Свенгельд. – Покуда не видели мы людей ни мертвыми, ни полоненными, может и такое быть, что живы. Ведь там, когда греки молнии метали, в дыму ты и гриди всех наших лодий видеть не могли, да, княже? – Он обернулся к Ингеру. – Так может, кто-то и прорвался. Хавгрим и Кольберн – вожди опытные, даже молнии небесной так просто сжечь себя не дадут. Они могли уйти в дальнее море, за пролив. А может, убралась назад и по Греческому морю пошли. Если не к зиме, так к весне еще воротятся с добычей и людей живыми приведут. Раньше нового лета рано нам всех-то хоронить и поминать. И я вот что вам скажу, кияне! – Свенгельд со значением, призывая в свидетели подателя пищи, опустил ладонь на престольницу¹⁰. – Давайте-ка жертвы принесем богам за то, чтобы сохранили и воротили назад людей наших. Так оно вернее будет, чем тех хоронить, кто, может, жив еще и за нашу честь с греками бьется!

Ингер слегка переменялся в лице, не зная, как это расценить. Он видел, что иные лица посветлели от этой уверенной речи, но из нее же вытекало, что он, князь, бросил войско и сбежал домой к жене, в то время как простые отроки, пройдя через огонь небесных молний, бьются с греками за русскую честь!

Но не мог же он при всех отвергнуть такую возможность! Спорить, объявляя все войско, доверенное ему, погибшим!

– Истовое слово! – оживленно, с облегчением подхватила Ельга-Поляница. – Нельзя людей хоронить, пока ни тел, ни видоков смерти их нет. Будем молить богов на милость к ним, Может, к зиме, к весне будут добрые вести!

С места поднялся боярин Здоровец; в каждом движении его чувствовалась неохота, и он все озирался вокруг, надеясь, что кто-то другой его от этого избавит. Чаще всего он поглядывал на Хотинега – как и многие другие. Но тот сидел молчаливый, тоже одетый в «печаль», ни на кого не глядел и не произнес ни единого слова. Вид у него был безразличный и замкнутый.

Осознав это, Ингер с запозданием удивился. Судя по тому, что он видел и слышал вчера в гриднице, именно Хотинег должен был яростнее всех обвинять его и противиться его воле. Что с ним случилось? Как язык проглотил!

– Мы бы отроков своих живыми увидеть... очень были рады, – начал Здоровец, по-прежнему оглядываясь и ожидая от кого-нибудь поддержки, – да только... нехорошо как вышло...

– Что нехорошо вышло? – Ивор подался к нему, хмурясь.

– Отроки, выходит, там, за морем... а князь сам здесь... Выходит, отроков он покинул одних... невесть где... грекам на добычу... Как оно так?

¹⁰ Престольница – верхняя крышка стола. От «престол» – в первоначальном значении, «главный стол».

Собравшись с духом, Здоровец устремил на Ингера вопрошающий взгляд. Это был среднего роста мужчина, русоволосый, с чуть более темной бородой. Слегка оттопыренные уши и прямой, открытый взгляд придавали ему нечто детское и делали на вид моложе его сорока с чем-то лет. Он не производил впечатления ни мудреца, ни красавца, ни витязя-осилка, но был человеком честным, судил обо всем здраво и мог пересилить себя ради общей пользы. Он совсем не ждал, что эту речь придется говорить ему самому, и охотно бы уступил эту честь кому другому, но правда стучалась изнутри в его грудь и рвалась на волю.

– Когда мы вышли из пролива назад к Килии, – начал Ингер, – со мной были только эти люди, и никого другого мы не видели. Мы ждали два дня, но почти напрасно, пришли только еще две лоды. А огненосные олядии так и стояли в Боспоре, и было даже нечего думать, чтобы снова туда пойти.

– Скорее надо было ждать, что греки сами на нас двинутся! – пришел ему на помощь Ратислав. – Навалятся олядиями огненосными и нас дождут, кто спасся.

– Если, может, кто-то и прорвался в дальнейшее море, – Ивор покосился на Свенгельда, – то следом идти нам было никак не с руки! Уж второй приступ они не пропустили бы, пожгли бы и нас, уж это верно!

– Раз князь остался без войска, с сотней людей, ему ничего не оставалось, кроме как вернуться, – поддержал его Свенгельд. – Князь разумно поступил.

У Ингера дрогнули ноздри: Свенгельд не отклонился от истины и говорил дружелюбно, но почему-то от этой поддержки его дела выглядели еще более жалко. Безрассудная, гибельная отвага красит вождя, разумная осторожность – позорит. Погибни он – его оплакивали бы и прославляли, но он вернулся – и теперь его обвиняют.

– Худое дело, коли князь разумно поступает, а дела такие, что хоть плачь! – крикнул с середины стола Горлец. – Воротятся другие, нет ли – это уже их будет счастье. А у князя счастья-доли не видно, обделили его суденицы-то!

За столами зашумели, будто прорвало: до сих пор каждый молчал, слушал других, но выжидали все именно таких слов.

– Сам воротился, а отроков загубил!

– Чтоб воротились, иное счастье надобно сыскать!

– При этом князе никто к нам не воротится, не ждите!

– Хотен, да ты скажи! – воззвал Здоровец к Хотинегу. – Что сидишь-то, как... каравай на столе!

Все снова воззрились на того: бояре – выжидающе, а Свенгельд – с тайной насмешкой в прищуренных глазах.

Однако Хотинег лишь слегка поджал свои румяные губы под пшеничными усами и отворотился.

– Кхм! – Доброст прочистил горло и поднялся.

По рядам пошло движение. Свенгельд слегка переменялся в лице, его взгляд потяжелел.

– Мы, земля Полянская, скорбим о сынах своих, – начал Доброст. – И вот что рассудили из нас... иные... – Он бросил недовольный взгляд на Хотинегу, но тоже ответа не добился. – Видно, не приняла земля Полянская Ингера, сына Хрорикова, себе в князья. Нет ему счастья в нашем краю. Чуж он земле нашей. Удачи не хватило, а подкрепить ее не достало ни возраста, ни мудрости...

– Возраст и мудрость с годами наживают! – в негодовании Ратислав даже посмел перебить одного из передних мужей. – А рода высокого если нет, то и к ста годам не наживешь!

– Князь Ельг оставил стол свой сестричу! – настойчиво напомнил Ивор. – Сын сестры ему как сын! Он и по отцу, и по матери от княжьих родов происходит! В нем удача Ельгова! А что к грекам сходил неудачно – так и Ельг не во всех битвах одолевал.

Пока его кормилец говорил, Ингер с сильно бьющимся сердцем вглядывался в лица сидящих – от головы стола ему хорошо было видно всех. Но утешения это зрелище не приносило: по глазам киян Ингер видел, что они думают иначе. Люди вручают власть над собой только тому, кто выигрывает *все* свои битвы. Лишь убедив их в своей непобедимости, вождь получает негласное право даже поражения преподносить как победы. Ингер, по рождению и воспитанию чужой киянам, этого права в их глазах еще не заслужил.

– У Ельга родной сын есть! – сказал Вячемир.

Под обращенными к нему десятками взглядов Свенгельд подобрался и слегка побледнел от волнения. Наступал тот миг, которого он ждал не первый год.

– Да вы, кияне, обезумели! – Ивор поспешно поднялся на ноги. – Вы что задумали – сына рабыни над собой князем посадить! Позором себя покроете на весь свет! Древляне те же скажут про вас: были-де поляне под хазарами, были под варягами, а теперь под холопом ходят!

– Ты, боярин, не заговаривайся! – Свенгельд в негодовании вскочил. – Ты меня перед людьми в священном месте холопом бранишь? На поле со мной пойдешь! Я не погляжу, что ты стар! За честь мою с любого голову сниму!

Вскочил и Ратислав, готовый броситься на защиту родича; встала Ельга-Поляница и подняла руки, пытаясь не допустить их друг до друга. В длинной палате вскипел шум, и уже нельзя было разобрать, кто что кричит.

– Тише, кияне, тише! – Вячемир тоже встал и застучал посохом об пол. – Вы земли Полянской мужи нарочитые, а не бабы на торгу!

– Свенгельд, Ельгов сын, муж уважаемый, – заговорил Доброст, когда более-менее восстановилась тишина и все снова сели. – Мы его хаять не желаем. Уж коли была мать его Ельговой хотью¹¹, тут ничего не поделаешь, но он счастьем-долей от богов не обделен, мы все сами тому видоки. Отвагой и умом он не обижен, жену взял красавицу, высокого рода, чад ему Макошь посылает здоровых. По всему видно, что богам он любезен. Он за нас перед древлянами стоял, и мы за него постоим. Просим его быть и впредь нашим воеводой и землю Полянскую от ворогов беречь.

Свенгельд опять переменялся в лице, в чертах появилась досада. Слушая хвалебную речь, он настроился на другое, поверил, что его мечта сбывается. Но что это – воеводой? Он и сейчас воевода!

– Кого же вы, земля Полянская, на столе видеть желаете? – сдерживая негодование, прямо спросил он.

– А никого! – объявил Доброст. – Не было удачи Ельгу в наследниках его. Законное дитя – дева, сын – от хоти, а сестрич удачей слаб. Видно, не желают боги, чтобы были у нас князья-варяги. Сто лет они нами правили, так теперь, видать, тому веку конец настает.

Повисла тишина, нарушаемая легким шумом движения и еле слышным шепотом. Многие в палате уже знали, что подобное сегодня может быть сказано, однако когда слова прозвучали въяве, неумолимое «веку тому конец» тяжким грузом легко на каждое сердце. Нынешние кияне родились при варягах, деды их всю жизнь прожили под этой властью. Для них разница между Аскольдом и Ельгом была невелика – все одно варяги, не те, так другие. Почти все роды, кроме самых упорных, так или иначе роднились с варягами Аскольдовой или Ельговой дружины и привыкли считать их частью своей земли, хоть и с более слабыми корнями, чем у самих полян. Отказаться от них было не многим легче, чем когда-то принять их. Но если сто лет назад прадеды нынешних бояр хорошо знали, почему с радостью отдают варягам новый, ими же учрежденный киевский стол, то внуки об этом позабыли. Те выросли уже на преданиях, в которых древний Кий прославлялся как исконный князь, а варяги лишь взмостились на чуждое место.

¹¹ *Хоть* – наложница, младшая жена, также вообще любимая женщина.

– Истинно, отец! – крикнул Будимил. – При дедах жили без варягов, и было земле нашей счастье! Кий сам, без варягов, хазар побивал, в Царьград ходил, в земле болгарской города ставил, и везде ему честь и почет был!

– Довольно нам под варягами ходить! – загудели и другие. – Сами будет собой володеть!

– Сами управимся! Чай мы не глупее!

– От варягов горе одно! Туда им ратью идти, сюда идти, а толку нет – только сынов терять наших!

– Было им счастье, да все вышло!

– Соберем совет мужей мудрых, старых родов, они и будут править по дедовым обычаям!

– Сами рассудим и урядим, как нам жить!

Ельга, слушавшая эти речи с огромными от изумления глазами, наконец опомнилась и встала.

– Поляне! – воскликнула она, и крики стихли. – Опомнитесь! Вы обезумели! Или у вас врагов нет? Или вы о древлянах забыли? Только вздумайте объявить, что вы князьям варяжским не повинуетесь больше – завтра рать древлянская под горами встанет! А еще через день – северянская. Ну а после всех и каган подойдет – у него дорога длиннее. Снова хотите под Деревы пойти и дань платить хазарам? Так и будет, слышите меня? – в ее голосе зазвучал гнев. – Старцы мудрые для совета нужны, но войско в поле князь водит! Ты, Доброст, под стягом полки поведешь с древлянами биться? Ты, Будимил?

Кияне притихли, смущенные: Ельга напомнила им о тех бедах, от которых их и прикрывали варяжские князья со своими дружинами. Но, сто лет почти избавленные от этих бедствий, поляне о них позабыли и не ставили ни во что.

– Зачем я? – Доброст глянул на Свенгельда. – Брату твоему и предлагаем. Ему в ратном поле счастье есть – пусть водит наши полки. Будет получать долю воеводскую с дани и добычи, как при князе получал.

Свенгельд уже взял себя в руки, но лицо его ожесточилось, глаза похолодели. Под десятками вопрошающих взглядов он медленно, но решительно покачал головой.

– Нет, – подтвердил он, видя, что все смотрят на него. – Не будет дела.

– Что так?

– Я – сын Ельга. Ельг был господином и полян, и древлян, и северян иных, и радимичей. Брату своему, – он глянул на застывшего Ингера, – я служил. Сестре своей могу служить. Но старцев совещанию – не могу.

Бояре зароптали, не зная, расценить ли это как обиду.

– И ладно бы я один, – уверенно продолжал Свенгельд. – Варяги вам служить без князя не будут. Варяги, что наши, что заморские, не служат собраниям стариков. Они служат вождю – знатному человеку, наделенному отвагой и удачей. Он ведет их в бой, он зовет их за стол, он наделяет их дорогими дарами. И когда приходит его срок, он гибнет на поле битвы и вся его дружина гибнет вместе с ним, чтобы войти в Валгаллу всем в один день. Может быть, вы и найдете такую дружину, которая согласится служить вам, собирать дань и защищать вас, чтобы другие не обложили данью вас. Но вождя он и выберут себе своего. Из своих. И вы все, – Свенгельд обвел бояр жестким взглядом своих глубоко посаженных серых глаз, будто каждого коснулся острием стального клинка, – вы станете не господами их, а добычей. Они не станут ждать, когда вы тут, охрипнув от споров, выделите им какую-то подачку. Они возьмут сами, все, что захотят. И единственный способ вам, полянам, не утратить чести и воли, это сохранить стол за тем родом, который им владеет сейчас. Я ведь прав, а, Хотинег?

Многие вздрогнули, когда Свенгельд так внезапно обратился за поддержкой именно к тому, кто и должен был требовать ухода Ингера с киевского стола и еще вчера подбивал киян к решению править сами собой.

– Правду говоришь, – с недовольством, но без колебаний подтвердил Хотинег. – Истинную правду.

Ельга-Поляница прикусила губу. Этот ответ точно повторял присловье, которым пользуются на посиделках: есть игра, где парни и девки наперегонки возводят друг на друга разную напраслину, глупую и стыдную, и поддерживают свою ватагу уверениями, что это «правда, истинная правда». Она не меньше других была удивлена, почему Хотен, еще вчера бывшим самым непримиримым их обвинителем, сегодня так присмирел.

У Свенгельда не было с утра времени рассказать ей, что случилось вечером: ему предстоял разговор более важный. Сам он больше не тревожился о Хотинеге, узнав в одном из нападавших его родного брата. Гординег побывал с Ингером в походе и сильно негодовал на того за потери, так что подбить его сесть в засаду с луком наготове не составило труда. Хотинег ведь понимал, что не Ингер, упавший духом и растерявший дружину, станет наибольшим препятствием для его борьбы с варяжскими князьями-Ельговичами, а Свенгельд – в полной силе и не запятанный ничем, кроме положения давно умершей матери. Но времени было мало, и оттого засада в малиннике готовилась наспех. Сама мысль о ней пришла Хотинегу внезапно. Он посылал пару отроков последить за Свенгельдовым двором, просто чтобы знать, с кем тот захочет повидаться. И только при известии, что воевода на ночь глядя отправился на Щекавицу, мысль о позднем времени его возвращения сама связалась в голове в мысль о лежащем на пути густом малиннике...

Если бы Свенгельд не дожил до собрания на Святой горе, то Хотинег овладел бы умами киян и Ингера ждало бы свержение. Свенгельду Горденя клялся, что не собирался его убивать, а «попугать только, чтобы, значит, знал нашу силу и воле киян не противился», но Свенгельд, конечно, был не так наивен, чтобы в это поверить. Да и не суть важно: два Хотеновых человека были взяты с оружием в руках, при покушении на жизнь воеводы и княжеского родича. Дав Хотену время до утра помучиться догадками, что теперь будет, Свенгельд вызвал его утром к тому самому малиннику и объявил: или тот молчит и во всем его поддерживает, или оба его человека будут в сей же день отданы на суд старейшин, а потом, скорее всего, повешены на Перуновом дубу. Покушение и смерть оружника давали Свенгельду несомненное право на месть или выкуп, а Хотинег злой умысел покрыл бы позором. На Ингера он мог бы попытаться натравить гнев народа, но в чем обвинить Свенгельда, чтобы оправдать свое беззаконие?

Не желая лишиться брата и принять бесчестье, Хотен был вынужден смириться. Оставалась надежда на то, что все нужное скажут другие бояре, кого он успел склонить на свою сторону до покушения.

– И как же нам дело-то поправить? – среди удивленного молчания киян спросил Доброст.

Он не был врагом Свенгельду, да и Ингеру тоже. Разуверившись в их способности дать счастье земле Полянской, он, однако, не отказывал им в праве защититься.

– Первое дело, обождем до весны, – начал Свенгельд. Он имел время об этом подумать, хоть и не очень много. – Часть войска вернется. Попомните мое слово, кияне. – Случись его предсказанию не сбыться, это нанесло бы все же меньший урон, чем поражение сейчас. – Значит, будут у нас отроки. За года два-три скотов¹² накопим, еще варягов за морем найдем. А я в Деревях ратников наберу. Мы ведь не звали их на греков. Теперь позовем.

– Ты позовешь? – недоверчиво хмыкнул Доброст.

– Ему сподручно – он им родич, Боголюбу их почти что зять! – вставил Вуефаст, и все засмеялись, оттаивая: «зятем» Боголюба малинского Свенгельд стал, отобрав у него младшую жену.

– Я и позову. Я всех их старейшин знаю, тех, что меня уже десять лет в полюдье принимают и дань мне дают. Теперь возьму с них ратников. Однако, – Свенгельд устремил требова-

¹² Скоты – здесь в значении «деньги вообще». От названия серебряной монеты, арабского дирхема.

тельный взгляд на Ингера, – мне для этого средства нужны... Я хочу получать половину всей древлянской дани, и тогда обещаю собрать у них войско. Взамен того, что мы с этого похода не досчитаемся.

«А если никто не вернется, древляне не помогут!» – добавил он мысленно. Возместить полную потерю десятитысячной рати невозможно никакими силами.

– Что ты скажешь, княже? – Свенгельд наконец обратился к Ингеру, о котором едва не забыли.

Тот набрал воздуха, но не сразу ответил; он не понял, сохраняется ли за ним стол или его все же пытаются сместить. Друг ему Свенгельд или соперник? Соглашаться с его словами или нет?

– Ты соберешь новую рать в твоих северных землях, – продолжал Свен. – Пошлешь людей за море к варягам. А я здесь соберу рать у древлян, и мы побьем греков. Но взамен я буду получать половину деревской дани. Ты согласен?

Свен вовремя сообразил: без участия Ингера нанять варягов за морем не получится. А Ингер, изгони его кияне, уж верно не станет помогать им воевать с греками. Если они и соберут войско для нового, более успешного похода, то лишь объединением возможностей южных, северных и промежуточных между ними земель. А позволь он сейчас сместить Ингера – земля Полянская погрязнет в раздорах бояр, падет под ударами соседей, только и ждущих случая вцепиться в глотку. Сестру его станут рвать на части честолюбцы, желающие с ее рукой получить стол ее отца, и тот сам падет прахом под ноги древлян, северян и хазар.

– Это разумно, – кивнул Ингер, видя, что все ждут его ответа.

Они ждали его согласия. А значит, его слово все еще имеет вес. Но и цену своей поддержки Свенгельд обозначил очень четко.

– Послухи вы днесь, мужи полянские! – объявил Свен. – Я буду половину дани деревской брать на свою дружину, взамен обещаю князю рать из древлян для нового похода собрать.

Он встал и протянул Ингеру руку. Тот подал ему свою, а Ельга-Поляница накрыла их руки своей, от имени земли Полянской утверждая договор.

* * *

По пути от Святой горы домой Ингер был в затруднении: что сказать Прекрасе, в тревоге ждущей исхода совещания? Выиграл он эту схватку или проиграл? Княжий стол остался за ним, кияне не решились изгнать Ельгов род и его, выбранного Ельгом наследника. Стоило бы радоваться, но Ингер чувствовал неудобство, как будто у него на портах сзади была видная всем прореха.

Может быть, и против своей воли, но стол для него спас Свенгельд. А взамен пришлось уступить ему больше, чем еще сколько-то куниц, бобров и кадушек меда. Теперь они, князь и воевода, имеют равные доли в дани, то есть уравнились во властных правах. Они как будто сошлись на одной ступеньке на половине высоты престола: Свенгельд поднялся, а Ингер спустился. Молодой князь понимал, что сейчас, в эту тягостную пору, у него не было иного выхода. Удача прочно повернулась к нему спиной, нужно думать не о том, чтобы выиграть побольше, а о том, чтобы потерять поменьше.

Иное дело – Свенгельд. Он на несчастье Ингера только выиграл – и в скотах, и в уважении. Ингер смотрел на серые тучи, собирающиеся на западе, и видел в них исполинского волка, разинувшего пасть на его достоинство и благополучие. Он знал имя этого волка. И, по примеру Тюра, готовился в нужный час отдать ему хоть правую руку, лишь бы одолеть и спасти свой мир.

* * *

До самой ночи Свенгельд сидел у себя в гриднице с дружиной, обсуждая с Фарловом, Асмундом, Ольгером и другими соратниками, чего они добились и как действовать дальше. Ружана давно уложила детей, задала челяди уроки на завтра – кому на какие работы идти, и заснула сама, не дождавшись мужа. Когда все что можно было обговорено и Свен наконец собрался лечь, его подстерег еще один собеседник.

«Ты был красноречив и убедителен, как сам Один! – в полусне услышал он голос Уббы, и в нем звучало неподдельное восхищением. – Как будто тебя с двенадцати лет учили говорить речи над золотой чашей».

Уставший Свен не нашел, что ответить, хотя похвала была ему приятна. Упоминание о золотой чаше привело ему на память сестру, Ельгу. Она многому его научила, когда им пришлось править этой землей вдвоем.

«Ты сказал, что вождь и дружина вместе войдут в Валгаллу»... – продолжал Убба, но как-то неуверенно.

«Да, сказал. Разве не так?»

«Вождь – это тот, кто ведет остальных, – напомнил очевидную истину Нидуд, и сейчас его голос звучал ровно и задумчиво, без обычного вызова. – Тебе предстоит найти вождя для всех нас. Тех, кто уже столько сотен лет живет в этом мече».

«Как это?» – снова пораженный, Свен едва не открыл глаза, но усилием воли удержал себя в состоянии немного плывущего сознания – неприметно для себя он при помощи Друга Воронов овладел одним из важных умений волхвов.

«Мы все живем здесь. Я и эти девять угрызков. Сотни лет... не знаю сколько».

«Я знаю, – с грустью уточнил Одда. – Ты, Убба, был убит в восьмьсот семьдесят восьмом году от Рождества Христова. А сейчас идет девятьсот сорок первый год. Ты здесь уже шестьдесят три года, а я после тебя владел Другом Воронов...»

«Что толку считать! – перебил его Нидуд. – Никто из нас не вырвется отсюда раньше срока. А срок таков... Нас здесь десять. Ты, Свенгельд, одиннадцатый. Придет время, и ты присоединишься к нам. Я бы сказал тебе, сколько лет осталось, – в голосе его прорезалось привычное ехидство, – но Всеотец мне запретил. Так вот: тот, кто получит Друга Воронов после тебя, будет двенадцатым. А когда его зарубят... мы уйдем в Валгаллу разом все. Все двенадцать. Так что ты хорошо подумай и как следует выбери того, кому уступишь честь тебя прикончить. Ясно тебе?»

Невидимое окно беззвучно закрылось. Свен и сам не понимал, как он определяет, когда оно открывается или закрывается, но ощущал это очень ясно. Вслед затем его неудержимо потянуло в сон – как тянет под ледяную воду пловца в кольчуге. Только успел подумать: из всех советов, что я получал за три года от незримой дружины, этот, хоть глаз поставлю, самый странный!

Глава 3

По обычаю, идущему еще с Киевских времен, после Дожинок князь отправлялся в гощение¹³ по земле Полянкой. Перед тем княгиня сжинала «божье поле» размером двенадцать шагов на двенадцать, при помощи старших женщин Киева убирала последний «Велесов» сноп и возглавляла торжественное шествие на Девичью гору, где устраивали пир окончания жатвы. Вот уже в третий раз эти обязанности выполняла Ружана – «Свенгельдова боярыня», как ее называли в Киеве.

– Дивлюсь на них! – говорила Прекраса в кругу самых близких. – Свенова женка – древлянка, она за Боголюбом жила! Из самого гнезда вражьего взята, а кияне ей доверили нивы свои, весь свой хлеб и все счастье! Я – не древлянка, а на меня косятся до сих пор, будто у меня с подола каплет!¹⁴ Как так?

– Ну... – Ратислав несколько менее удивлялся этому странному предпочтению, но не знал, как об этом сказать. – Она, Ружанка... пышная сама такая, румяная, что твой каравай...

– Знаешь, сказы есть такие, как добрый молодец в Кошное забирается и там ему сама Заря-Зареница помогает ее у Кощея похитить, – добавлял Ивор. – Вот они на Ружанку и глядят, как на ту Зарю.

– Баюг, я слышал, будто она сама от старого мужа к Свеньке сбежала, – подхватил Стенкиль, десятский, и улыбнулся. – За то и жалуют.

– Уж тут не лгут люди, – хмыкнула Прекраса. – Она за Боголюбом жила, а чадо от Свеньки понесла. Теперь уж весь свет знает!

Дальше обсуждать достоинства Ружаны Прекрасе не хотелось. Веселая, здоровая, за три года та родила троих детей и казалась богами созданной принимать плодоносящую силу земли и отдавать обратно. Выходя за Ингера, Прекраса была наречена именем его матери и сестры, чтобы в глазах богов стать неотделимой частью этого рода, и теперь для киян звалась тоже Ельгой, однако в правах княгини кияне ей отказали и согласились признать ее своей владычицей не ранее, чем ее сыну исполнится три года и его посадят на коня. Дважды Ельга-Прекраса рожала мальчиков, но дважды их опускали в сырую землю. Не Ингер, а Свенгельд мог уже присматривать того счастливого коня, это его сыну шел третий год... Когда этой весной творили поминальный стол по второму чаду Прекрасы, Ружана принесла своего Люта – на похоронах ребенка непременно должен быть ребенок, а Лют Свенгельдич маленькому покойнику приходился троюродным братом. Уже тогда Прекраса старалась не поднимать на него взгляд, чтобы люди не заметили тоски и ненависти в ее глазах. И каждый раз как Прекрасе приходилось присутствовать при каком-то из обрядов, что полагалось творить княгине, или просто видеть Ружану, сердце в ее груди делалось тяжелее камня, а улыбка стыла на губах.

Дожиночный пир в Киеве миновал, однако Ингер никуда из дому не тронулся. Именно в эту, самую сытую и веселую пору года ему полагалось гостить у всех родов полянских, возглавлять праздничные столы и поднимать чары богам за нынешнее и будущее благополучие. Но Ингер медлил. Помня, как тяжело ему далось возвращение в Киев, он предвидел, что это же самое будет повторяться во всех десяти городках: люди все еще ждут своих ушедших с войском близких, надеются, будут спрашивать о них его, князя, а что он им ответит? В отчаянии Ингер цеплялся на Свенгельдово предсказание, что часть войска может вернуться осенью. Случись это взыбиль – и тяжесть положения облегчилась бы, а ему не так горько стало бы смотреть в глаза отцам, матерям и женам.

¹³ *Гощение* – объезд князем своего собственного племени, связанный с его управляющими и ритуальными функциями.

¹⁴ Капающая с одежды вода выдает существо нечеловеческого происхождения, как у водяного, если он выходит к людям.

Выжидая и оттягивая отъезд, Ингер часто отправлялся на охоту. Нередко Прекраса сопровождала его: ей хотелось проводить возле мужа как можно больше времени, а без него даже свет солнца и воздух утрачивали вкус. Пустая изба наводила тоску, каждый взгляд на порог напоминал о невозвратимых потерях. Пасмурное небо, дожди, все более долгие вечера, все более ранние отходы ко сну – это угнетало ее, и не верилось, что когда-нибудь вернется весна и радость. Только лицо Ингера, по-прежнему прекрасное в ее глазах, освещало ее душу, как живое солнце; в груди разливалось тепло, на Прекрасу нисходило чувство счастья и вера: пока они вместе, никакому злу их не одолеть. Она дорого заплатила за свою удивительную судьбу, но она того стоила. К тому же куда веселее скакать по полям и перелескам среди оживленных охотничьим ражем гридей, чем весь день сидеть дома с челядью. В такие дни Прекрасе казалось, что она снова стала юной девушкой, которая едет с женихом и его дружиной в ту новую жизнь, куда он ее увозит – навстречу сияющему, солнечному, бесконечному счастью. Лес в осенней листве был точь-в-точь Золотое царство из сказаний, куда попадают, взобравшись на третье небо. Ах если бы остаться там навсегда, подальше от всех угроз и печалей!

Боры близ Киева, с давних времен предназначенные для княжеской охоты, Ингеру пришлось поделить со Свенгельдом. Воевода тоже нуждался в разной дичи для содержания своей дружины, но, поскольку любви между двоюродными братьями не сложилось, им стоило исключить столкновения и споры из-за добычи. Это было разумное решение, однако Ингера корбила мысль о том, что одно из самых священных княжеских прав он вынужден разделить с кем-то другим, а тем более – с сыном рабыни.

– Зато так он сможет сам содержать своих людей и не будет просить для них хлеба у тебя! – утешал его Ивор.

Половина охотничьих угодий... половина древлянской дани... половина добычи от прошлогоднего похода на уличей... Уж не затребует ли сын рабыни и половину права гошения, иногда думал Ингер. Нужно ехать, пока Свенгельд и взыбиль не вызвался сделать это вместо него... Он-то и самому Кощею в глаза взглянуть не побоится.

В этот раз ловцам повезло. Стоял чудный день золотой осени, лес был полон красок – желтое всех оттенков, красное, зеленое. Видели в голубой вышине клинья гусей и лебедей, но гриди только качали головами: слишком высоко летят, стрелой не достать. У лосей заканчивался гон, и раз-другой издали донесся глухой стон. Пустили собак искать след, и вскоре по яростному лаю стало ясно: псы погнались зверя.

Вслед за Ингером десяток гридей поскакал за собаками. Ратислав протрубил в рог, созывая остальных. Прекраса мчалась со всеми: теперь она хорошо держалась в седле и не боялась даже быстрой скачки. Мелькали ветки, летела вихрем палая листва, сбита всадниками, перед глазами все сливалось в пеструю желто-красно-зеленую полосу. Прекраса запыхалась, уклоняясь от веток, но ей было весело – охотничий раж захватил и ее. Горести отстали, пьянящий дух осени вливался в грудь, желтые листья мелькали перед глазами золотыми искрами, лай собак и крики гридей подстегивали, и хотелось мчаться так бесконечно, до самого края земли... А потом полететь...

Крики стали громче, и Прекраса различила, как за стволами движется нечто крупное, бурое, горбатое... Лось, могучий бык метался в окружении десятка собак, жался к елкам, опускал голову с огромными рогами-лопатами, отгоняя псов.

Гриди придержали коней и взялись за луки. Ингер первым пустил стрелу и попал зверю прямо в грудь, но этого было мало, чтобы того свалить, и лось продолжал отбиваться с еще большей яростью. Собаки, хрипя от лая, возбужденные запахом зверя и крови, едва успевали уворачиваться от копыт и рогов. В лося полетело несколько стрел, две попали в цель. Ратислав и еще двое, Быстрая и Стенкиль, устремились к зверю с копьями в руках. Стенкиль метнул сулицу, она вонзилась лосю под лопатку; Быстрая приблизился и ударил копьём. Лось упал на колени, древко вырвало у Быструю из рук. Тогда Ратислав нанес еще один удар, и лось нако-

нец рухнул наземь, растянулся на палой листве. Замерли длинные мощные ноги с тяжелыми копытами. Собаки бросались на лося, хватали зубами, теребили, но он больше не двигался.

– Готов! – весело кричали гриди.

Теперь уже все приблизились, кое-кто соскочил с коня, чтобы отогнать собак и взяться за добычу. Прекраса тоже спрыгнула на землю, желая посмотреть лося поближе. Широкие рога с отростками казались ей похожими на костяные блюда.

Вдруг собака возле зарослей припала к земле и снова залилась лаем. Прекраса мельком подумала – там еще один лось? – как из кустов вылетело еще что-то огромное, бурое и без рогов. Косматым шаром оно рванулось к туше лося...

Медведь! Видно, не набрал достаточно жира перед спячкой, и запах пролитой крови привлек его к добыче, а считаться с правами двуногих он явно не собирался. Невероятно, что такая тяжелая, неуклюжая на вид тварь способна двигаться так быстро! Отважная собака с визгом отлетела в сторону, отброшенная могучей лапой. Люди от неожиданности подались назад. Прекраса вскрикнула; она стояла на дальнем краю поляны, и убитый лось лежал между нею и медведем. Но Ингер стоял к туше почти вплотную!

Кто-то из гридей, кто еще не успел выпустить из рук сулицу, метнул ее в медведя, но не попал. Уцелевшие собаки, вертясь и лая, прыгали на зверя с боков, пытались вцепиться, повисали на шкуре. Гриди схватились за луки; одна стрела вонзилась медведю в зад, только увеличив его ярость, остальные осыпали еловые лапы позади зверя.

Ингер вырвал копьё из туши лося и выставил навстречу медведю. Прекраса визжала, пытаясь побудить его бежать от этой косматой смерти, но не помнила ни единого слова. Отойти он просто не успевал, медведь был уже в нескольких шагах. Едва успев развернуть копьё, Ингер со всей силы вонзил его медведю в бок.

Но этот зверь никогда не умирает от первой же раны, пусть даже тяжелой. Медведь даже не замедлил бега; древко сломалось в руках у Ингера, и в тот же миг косматый шар метнулся к нему, навалился и подмял. Синий кафтан Ингера скрылся под бурой шкурой.

Ратислав, стоявший ближе других, выхватил рогатину у кого-то позади и вонзил острие медведю в грудь. Лейв вогнал второе копьё в бок; покраснев от натуги, нажал, упирая в шкуру перекрестье рогатины. Вдвоем с Ратиславом они навалились изо всех сил. Яростно и хрипло ревя широко разинутой пастью, медленно, как во сне, медведь завалился. Прекрасе снова бросилось в глаза синее пятно Ингерова кафтана.

Рев перешел в хрип, потом смолк. Гриди не спешили подходить к новой добыче – медведь крепок на рану и очень хитер, он может притвориться мертвым, чтобы напоследок откусить полголовы доверчивому охотнику. Ратислав и Лейв еще не опускали копий, продолжая удерживать зверя, а остальные не сводили с них глаз. На Прекрасу никто не смотрел, и она ворвалась на поле боя к изумлению не ожидавших этого гридей.

– Ингер! Ты жив?

Прекраса упала на колени и схватила его за плечи. Ингер, лежавший лицом вниз, поднял голову и, опираясь на руку, с трудом сел. Смятая шапка осталась на земле, а лицо его было залито кровью. Прекраса закричала, будто увидела саму смерть – ей показалось, будто с его лица содрана вся кожа.

Жадно, с трудом втягивая воздух, Ингер обернулся к медведю. Зверь лежал неподвижно в каком-то шаге от него. Можно было рукой коснуться желтоватых клыков в приоткрытой пасти.

– Отойти! Жма, отойдите скорее! – кричал Ратислав, не выпуская копьё и продолжая удерживать медведя прижатым к земле. – Жма, да оттащите их!

Двое-трое гридей, опомнившись, подняли Ингера с Прекрасой и почти отволокли на несколько шагов в сторону. Другие встали между зверем и своим князем, спасенным только милостью богов. Лица были бледны, глаза вытаращены.

– Ингер! Как ты? Что с тобой? – задыхаясь от слез, Прекраса тянулась к нему, но ошалевший Стенкиль держал ее за плечи, а она не замечала, что он ее держит.

– Я жив... – Ингер осторожно прижал рукав к лицу, пытаясь стереть кровь с глаз. – Умыться...

Кто-то поднес хазарскую глиняную флягу, похожую на плоский круглый каравай. Ингер почти вслепую подставил руки, обмыл их, потом осторожно умыл лицо.

– Йотуна мать! – кто-то рядом свистнул.

– Да извод его возьми!

Прекраса прижала руки ко рту. Спутанные мокрые волосы прилипли к лицу Ингера, но и сквозь них были видны три длинные глубокие царапины на лбу, заходящие на бровь, а одна и на скулу.

– Глаза целы? – над Ингером склонился встревоженный Ратислав.

– Вроде целы, – Ингер поморгал. – Я уж думал, конец мне приходит... Ребра... помял.

Прекраса, рыдая, протянула ему свой платок, и Ингер прижал его ко лбу. Она было прислонилась к его плечу, потом выпрямилась и стала оглядываться, отыскивая уцелевшие к концу осени зелья, способные останавливать кровь и предотвращать воспаление. Потом встала; на подоле ее белой свиты – она носила «печаль» по сынишке, – ярко краснели пятна крови. На глаза ей попались пожухлые, но еще зеленые щетки хвоща; сорвав несколько штук, она обмыла их из фляги, растерла в ладонях и, отведя платок от лица Ингера, приложила зеленую кашицу к его ранам. Кровь из рассеченной брови еще текла; посмотрев на испачканный платок, Ингер вновь прижал его ко лбу.

– Перун тебя спас! – Ивор остановился над воспитанником. – У меня аж сердце упало – думал, все! Хорошо, Ратыша подоспел...

– И как собаки не учуяли! – толковали гриди.

– На кровь хозяин-то пришел... Не нагулял, видно, жира перед спячкой.

– Чем мы Велеса прогневили? И угостили ведь перед началом, и позволения спросили...

Медведь – один из обликов лесного хозяина и самого Велеса. В осеннюю пору, когда в лесу много пищи, он не бросается на людей. Свою добычу он видел в лосиной туше, однако Ингеру, оказавшемуся у него на пути, это могло стоить жизни.

Прекраса замолчала, но не могла унять слез.

– Не плачь, госпожа! – утешали ее гриди. – Князь жив, глаза целы, уши целы... А царапины что – заживут!

Из обеих туш извлекли оружие, начали потрошить. Требуху сложили в кучу для собак, а медвежью печень – самую почетную часть добычи, – еще дымящейся поднесли Ингеру.

– Крася, не реви, – Ингер обернулся к ней и улыбнулся. – И такое бывает, да ведь обошлось. Хочешь кусочек?

Прекраса сглотнула, пытаясь сдержать плач. Ее била дрожь, и все не верилось, что и правда обошлось. Она знала: это не Велес и не леший прислал зверя. Это все они. Прядущие у Воды. Те, что пытались заполучить Ингера еще три года назад и все время напоминают: они ждут. Не спускают глаз с добычи. Выжидают своего срока. Или просто случая завладеть им, вопреки уговору, куда раньше срока.

Который она знает.

Печень положили на щит, разрезали на кусочки. Свежая кровь капала на палую листву и рыжую хвою; вид ее напоминал Прекрасе, как близка к человеку незримая бездна, что способна распахнуть пасть так внезапно, и у нее невольно передергивались плечи.

– На, будешь? – Ингер потянул кусочек Прекрасе. – Он хотел отнять мою жизнь, но теперь он мертв и вся его сила переходит к нам. Возьми и ты – тебе смелости добавит.

Смелости! Как будто ей мало требовалось смелости для того, что она совершила и с чем теперь живет! А уйти от того страха, что уже три года отравлял ей жизнь, не поможет и печень самого Велеса...

Однако Прекраса подошла ближе и взглянула на черно-красный окровавленный кусок, лежащий на грязной, в крови и земле, ладони Ингера. От одной мысли о том, чтобы это съесть, ее замутило. По телу хлынул озноб, внутри поднялся жар... Прижав руку к груди, она кинулась в кусты, и там ее вывернуло жалкими остатками утренней каши.

Кашляя и сплевывая, Прекраса смутно слышала позади на поляне сдержанный, сочувственный смех. Не в пример киянам, Ингеровы гриди приняли ее как свою, оберегали и заботились, как могли. Но конечно, им кажется смешным... они думают, что ее тошнит от страха...

Не сразу Прекраса вернулась на поляну – постояла, обхватив себя за плечи и выжидая, пока отпустит дрожь. Ей было чего испугаться – лукавая Навь показала свои жуткие зубы. Напомнила: не сегодня, так завтра свое возьму.

Однако некая надежда придавала Прекрасе сил. У ее внезапной тошноты ведь могла быть и другая причина. Но, думая об этом, она вновь закрывала глаза, пытаясь спрятаться от ужаса, прижималась лицом к стволу березы и жадно вдыхала слабый, горьковатый, чуть пыльный запах коры. Хотелось залезть куда-нибудь на Сыр-Матёр-Дуб, на стеклянную гору под самое небо, забиться в самую глубокую на свете нору, лишь бы там ее не достали те, кто охотится за ее счастьем. Те, кто уже столько у нее отняли и постоянно грозили отнять остальное.

Еще одну потерю она никак не могла допустить. Слишком мало времени осталось.

* * *

После такого случая быстро уехать из леса было нельзя. На поляне развели костер, положили отделенную от туши голову медведя и передние лапы. Под носом у него выложили хорошие куски лосятины. Люди, рассевшись вокруг, обжаривали мелко нарезанные кусочки мяса, ели, запивая медовой брагой.

– А вот с моей матерью случай был, – рассказывал Ратислав. Сестра Ивора была выдана в старинный ладожский рода, поэтому у его племянника было не только славянское имя, но и множество родни в Ладогe и вокруг нее. – Она еще девкой ходила с другими за брусничкой, и вот идут они с одной девкой, вдруг слышат – под корягой кряхтит кто-то! Они от страха обмерли, ступить не могут, а там все кряхтит и стонет! Опомнились, ну бежать! Там ее дядька с ними ходил, я его уж не застал. Они ему рассказали: там кряхтит, не то леший, не то чудачья какая! А он, дядька Сушина, неробкий мужик был, пошел посмотреть. Глядь – а там мужик лежит! Вытащили его, а он рассказывает: вот так поймал его медведь, выскочил сзади, он и не слышал. Отволоч, под корягу засунул. Ребра были поломаны и плечо разодрано. Отвезли его домой, вроде, мать потом слышала, отлежался он. Медведь вот так же перед зимой припас себе сделал.

Голову медведя тоже угощали брагой, пели ему песни, поплясали немного, чтобы дух зверя развеселился и не держал зла. Холмгородские гриди, выросшие в близком соседстве с чудинами, хорошо знали перенятый от них порядок этого обряда, называемого «медвежий пир». Потом оставили голову на высокой развилке ствола, а остальное мясо от двух туш погрузили на две волокуши и потащили к дороге.

К Киеву подъезжали уже под вечер. Бергтур, десятский, ехавший впереди, вдруг изумленно вскрикнул и показал плетью в сторону от Горы:

– Смотрите!

– Это еще что? – заговорили вокруг.

– Откуда?

Прекраса вгляделась и поняла причину общего удивления. В Ратном урочище, как называли это место, поднимались дымы из оконцев и дверей всех десяти дружинных изб, выстроенных еще при Ельге. Весной, перед уходом войска, в них размещалась собранная рать, но с тех пор они стояли пустые. Перед домами собралась толпа, но вела себя довольно спокойно: никто не метался, не кричал, люди ходили туда-сюда, собрались кучками, толковали о чем-то.

– Кто это там? – Ратислав взглянул на Ингера.

– Не знаю...

Тот поморгал: ему было больно даже морщиться, глубокие царапины подсохли, но саднили. Болели ребра, очень хотелось домой и прилечь, но Ингер пересилил себя.

– А поедем поглядим!

– Давай я с парнями сперва, а ты за нами... – предложил было Ратислав.

– Что я, всю жизнь за тобой должен прятаться! – с досадой воскликнул Ингер. – Я князь или девка?

Ему уже рассказали, что это Ратислав, на пару со Стенкилем, спас ему жизнь, копьями забив медведя и спихнув с него тушу. Ингер был благодарен обоим, но это не уменьшало его досады.

– Давай, труби! – Ингер махнул рукой Огмуду.

Разнесся звук рога, давая всем знать: князь едет!

При виде подъезжающей дружины кияне расступились. Видны были ошарашенные лица мужчин, заплаканные – женщин. Раздались изумленные, испуганные крики – люди не сразу узнали Ингера с едва подсохшими ранами на лице и с повязанным на лбу платком Прекрасы. А он, приметив возле одного из домов знакомых Свенгельдовых лошадей, направил своего коня туда.

На шум подъезжающего отряда из дома вышли несколько человек. Один был Свенгельд, с довольным видом положивший руки на пояс, а второй – рослый, худощавый мужчина лет пятидесяти, с крупными чертами смуглого лица. В его черных волосах виднелось лишь несколько нитей седины, зато борода побелела почти полностью, отчего казалось, будто борода вовсе не его. Уверенные движения, прямой стан тоже говорили о силе зрелых лет. Бросался в глаза удивительный кафтан на нем – с широкими рукавами, весь целиком из шелка цвета недоспелой черники, с желтыми вытканными чудищами. Роскошное, немисливо дорогое одеяние чудно смотрелось на травянистом пустыре перед дружинными домами.

Сначала Ингер вздрогнул, сам не поняв почему, а потом вспомнил, кто это. Перед ним стоял Радовед, младший брат Славигостя, погибшего в битве с древлянами на Рупине. И он, Радовед, весной отправился в Греческое царство вместе с Ингером и прочим войском, где и сгинул в тот ужасный день огненной битвы в Босфоре.

А теперь он снова здесь.

* * *

– Йотуна мать! – при виде Ингера Свенгельд, на миг забыв о важной новости, хлопнул себя по бедру. – Это кто ж тебя так отделал?

– Кто отделал, того позади везут, – Ингер концом плети показала себе за спину, где остались волокуши с добычей. – Вы... Радовед...

Он начал соображать, что означает появление этого человека. Странное дело: казалось, именно этого он с таким нетерпением ждал уже почти два месяца, с тех пор как сам вернулся, но вот, когда объявилась часть пропавшего войска, не сразу узнал свое счастье.

Если это счастье...

– Воротились мы, княже! – Радовед с достоинством поклонился. – Я, да Холодило, да Понег, да Добрила, да Любята, да Суругость и иные некие мужи с отроками своими. На двух-

стах лодьях. Тысяча человек и еще семь сотен. Нынче утром вот. Прости, не упредили, да мы с Витичеве одну только ночь скоротали, во тьме пришли, во тьме ушли. Бронигостя мы больным привезли, жене на руки сдали, он и не вышел нас проводить. Гонца не по мысли ему было послать, видно. Хорошо, Свенгельд вот нам припасов дал кое-каких, а то мы уж по дороге у оратаев жито покупали, где были лишки...

Постепенно тревога Ингера утихла, лицо разгладилось и посветлело. Он даже забыл о боли.

– Двести лодий, говоришь? – он соскочил с коня и шагнул к Радоведу. – Отроков тысяча и семь сотен?

От радости зашумело в голове. Тысяча семьсот человек! Огромное войско – хотя и лишь пятая часть того, что отсюда уходило весной. Эти люди живы... судя по именам бояр, все это ратники разных земель, но в основном поляне. Тысяче родов этот день принес счастье, вернет живыми отцов и братьев, тех, кого в начале осени едва не похоронили!

– Друг ты мой дорогой! – Ингер обнял Радоведа.

– Да уж мы как рады! – тот, выпустив молодого князя из объятий, смахнул слезу, что так странно смотрелась на его суровом, сильно загоревшем за лето лице. – И сами что дома... и что ты жив. Воевода нас обрадовал уж, – он оглянулся на Свенгельда, который наблюдал за ними, ухмыляясь во весь рот. – Мы ж не ведали, жив ли ты, княже! Как потеряли тебя в той пасти огненной, так и все...

Добыча пришлась кстати: Ингер велел отдать прибывшим обе туши, лося и медведя, и те сразу принялись жарить и варить мясо. На днях ратники разойдутся по своим городцам и весям, часть уже и ушла – те, кто жил ниже Киева по Днепру, – но пока нужно было накормить и устроить на отдых тысячу семьсот человек. В этот вечер Ингер пожалел, что еще не ходил в гошение и не собрал положенную ему долю хлеба и прочего добра: с полян князь брал больше съестными припасами и полотном. Уже подвозили хлеб, рыбу, репу, капусту – оказывается, Ельга-Поляница послала челядь к киевским боярам, еще до того как Ингер вернулся с лова. Часть людей еще до того разослали по большим киевским дворам.

Сама Ельга-Поляница тоже обнаружилась в доме, который заняла дружина Радоведа. Для приехавших полагалось устроить пир на княжеском дворе, но пока сам князь и его ближники сидели в неудобном, еще толком не протопленном дружинном доме и жадно расспрашивали Радоведа и других. Выяснилось, что Свенгельд не ошибся с предсказанием: в сумятице огненной битвы часть дружины успела повернуть назад, выйти из пролива обратно в Греческое море и отойти на восток, вдоль побережья Вифинии. Мелководье не позволяло глубоко сидящим олядиям подойти к русским лодьям на тридцать шагов, а значит, защищало их от обстрела жидким огнем. Русов и варягов там собралось более пяти тысяч. Ингер охнул, узнав, как много, оказывается, уцелело от войска, которое он в упадке духа счел погибшим. Но воспользоваться этими силами он, ушедший от пролива на запад, все равно не смог бы. Целых пять дней десяток олядий сторожил, не давая русам двинуться с места. Даже знай они, что князь жив и ждет их к западу от пролива, попытка прорваться к нему привела бы к еще одному огненному разгрому и гибели сотен, тысяч людей.

Через пять дней греки ушли в пролив, видимо, к Царьграду. Уцелевшие русы, посоветовавшись, решили продолжать поход в безопасном направлении – вдоль южного берега Греческого моря, где перед ними лежали ничем не защищенные богатые земли. Жив ли князь, они не знали, но склонялись к мысли о его гибели. Своим вождем они избрали варяга Кольберна – опытного в таких делах «морского конунга», как он себя называл. Под его началом оказалось тысячи полторы разношерстных варягов и около трех тысяч славянских ратников, тоже из разных земель. Все они были разделены на мелкие ватаги, собранные с городцов или волостей, подчинялись своим старейшинам, но постепенно среди славянских бояр выдвинулся Радовед и стал одним из двоих, равноправных с Кольберном, вождей войска.

Месяца полтора они продвигались на восток по Вифинии, захватывали и грабили прибрежную полосу, иногда решались на вылазки в глубь побережья, до самых гор. Не все эти вылазки были удачными: несколько крупных дружин было наголову разбито царскими войсками, что сидели в городах и подстерегали русские отряды на обратном пути, когда те будут утомлены и обременены добычей. Ближе к концу лета решили, что пора поворачивать назад и попытаться вернуться домой. На выбор имелось два пути: назад к Боспору Фракийскому, чтобы обогнуть Греческое море по южному и западному берегу и выйти снова в Днепр, или напрямик через море до Таврии. В войске нашлись люди, которые еще по Ельгову договору ходили в Царьград морем и знали его нрав. Особенно прославились два киевских варяга, Адолб и Ангивлад, знавшие греческий язык и много помогавшие вождям-славянам. По их словам, уже скоро должны были начаться осенние бури, которые сделали бы переход даже ввиду берега почти невозможным. Но, пустившись от мыса на границе Вифинии и Пафлагонии напрямую на север, русы могли пересечь море по самому краткому из возможных путей. Решили не терять времени на кружной путь и пойти напрямик.

– И не страшно вам было? – охнула Ельга-Поляница.

– Как не страшно, госпожа? – Радовед развел руками. – Море – оно же все равно что тот свет. Да ведь сколько есть сказаний, как люди в самую Навь ходили и живыми возвращались... Греки, нам в Ираклии сказали, с незапамятных времен этим путем на Корсуньскую страну¹⁵ ходят, так они в нее и заселились еще при дальних прадедах.

Переход завершился благополучно – не зря перед ним принесли в жертву троих пленников, вымаливая у Перуна доброй погоды. Но когда многочисленные русские лоды пристали близ Сугдеи, вскрылась новая сложность.

– Мне Кольберн говорит: не пойдем дальше, останемся здесь зимовать, – рассказывал Радовед среди напряженного молчания знатных слушателей. – Данью греков обложим, а зима здесь теплая, хорошо до весны проживем. Мы среди своих потолковали: нет, решили, нам до дому надо, нас отцы-матери, жены-дети ждут. Небось, столы поминальные по нам правят... – Слушатели невольно закивали. – А уж варяги нас так и эдак улещали... И вот приходит ко мне Кольберн сам и говорит... – Радовед помолчал, давая понять, что сейчас скажет нечто важное. – Не уходи от меня, говорит. Держись за меня. Я, говорит, с людьми за зиму отдохну, оружие поправлю, а весной на Киев пойду и его захвачу.

Кругом раздались изумленные восклицания; Ингер подался вперед, Ельга-Поляница и Прекраса ахнули.

– Князь ваш, он говорит, стигнул, войско его все у нас, что уцелело. Тогда уж поменьше нас осталось, тысячи две с небольшим, все ж целое лето воевали. Но, говорит, этого довольно, и с меньшим войском царства брали, был бы вождь удачлив и богами любим. Я, говорит, как раз такой. Про род свой мне толковал, от каких он богов да осилков ведется. Склонял меня, значит, с ним остаться и Киев вместе воевать. Чтобы он князем сел, а мне воеводой сулил и во всех своих прибытках половинную долю...

Радовед перевел взгляд на Свенгельда. Тот говорил мало, лишь поглаживал рукоять своего меча и улыбался с таким довольным видом, что его грубоватое лицо казалось привлекательным, почти красивым. Теперь же он убрал улыбку, серые глаза посуровели.

– Да прах его возьми... – бросил Свенгельд. – Ишь чего выдумал, рожа варяжская!

– Ну а мы... мы ж рода своего не предатели, – продолжал Радовед. – Не по пути нам, я ему говорю. Хотите, говорю, в Корсуньской стране зимуйте, а мы до дому погребем. Только ж еще добычу делить надо было...

– А у вас есть добыча? – Ингер впервые отчетливо подумал об этой возможности.

¹⁵ *Корсуньская страна* – древнерусское название Крыма. От названия Корсуни, иначе Херсона, тогдашнего центра византийской власти на полуострове.

Судя по глазам Свенгельда, тот об этом спросил в первый черед.

– А как же! – не без гордости ответил Радовед. – Даром мы, что ли, целое лето кровь проливали? Немало всякого добра привезли. Иные лодьи едва воду не черпали, так низко сидели.

Более дешевую часть добычи – одежду из шерсти, сосуды с вином и маслом, медную посуду, – пока оставили в лодьях, но более дорогую – золотые номисмы и серебряные милларисии, драгоценные сосуды, благовония, шелковые ткани, украшения, – Радовед сразу приказал перенести в дружинные дома, и их можно было осмотреть немедленно. Со времен Ельгова похода на Царьград этот дом, да и никто в Киеве, не видел таких богатств. От больших сундуков, иные из которых сами поражали искусством резьбы и дороговизной оковки, казалось, поднимается сияние. Шелковые одежды, покрывала всех цветов, мешки с украшениями – медными, серебряными, золотыми, – блюда и кубки, кувшины и чаши мерцали самоцветными камнями, и у людей перехватывало дыхание от чувства, что они попали на небо.

– За дележом чуть не подрались мы, – усмехаясь, рассказывал Радовед. – Кольберн сильно зол был, что с ним на Киев я не пошел. Ничего бы не дал нам, и самих бы перебил, будь его воля. Да кусалка не отросла! Нас-то вон сколько, а их и полтыщи не наберется. А хотели половину всего! Все норovil провести меня, гад поползучий, что сколько стоит да что чему равно. Да и мы не глупы – в Сугдею послали за тамошними купцами, греками за жидинами. Они живо примчались! Живо нам все обсчитали, взвесили и поделили.

– Не задаром? – понимающе уточнил Ивор.

– Взяли, конечно, за работу кое-что. Но мы им такое выдали, что тяжелое и место занимает – масло, ткань шерстяную, всякую утварь. Да еще продали кое-что, серебро-то везти легче. Поверишь, из Сургеи сам тамошний посадник прислал, просил продать ему из добычи кое-что, из божьих святылец взятое. Такие, знаешь, доски у них есть, на них бог греческий намалеван красками, мать его и весь род. Мы их брали-то ради оковок дорогих, а он, вишь, сказал, оковки себе оставьте, а доски мне продайте. Хорошую цену дал, так и мы не против. Теперь еще на всех моих отроков поделить надобно. И князю, конечно, его часть... раз уж ты цел.

Несмотря на собственную неудачу, Ингер собрал войско, которое, как выяснилось, сходило в поход не без успеха. Следующие дни прошли среди усердной работы: все привезенное еще раз взвесили, оценили и рассчитали долю каждой ватаги, Ингеру выделили его часть. Сам Ингер, пока Ельга-Поляница и Прекраса готовили пир для ратников, собирался в гощение – теперь он смело мог ехать по земле Полянской, чтобы вернуть родам полянским сыновей, пусть и не всех. Потери были все же значительные: из десяти тысяч ушедшего войска пока вернулось менее двух тысяч, еще полтысячи варягов остались в Корсуньской стране. Но по сравнению с тем днем, когда Ингер привел назад всего сотню, нынешние дни знаменовали возвращение удачи и счастья, и молодой князь ободрился так, как два месяца назад и не мечтал.

Когда все киевские бояре наконец собрались на пир по случаю возвращения ратников, успех похода они увидели своими глазами. Из бочонков разливали вино, длинные столы были уставлены привезенной дорогой посудой, по стенам развешены разноцветные кафтаны, мантионы, занавеси и покровы – так густо, что не было видно бревен. Глядя на это великолепие с Ельгова стола, Ингер впервые за много месяцев вздохнул с облегчением и улыбнулся Прекрасе, тоже в нарядном новом платье сидевшей на особом кресле у ступеней престола. Ссохшаяся от горестей душа его наконец-то расправилась, оживленная надеждой и верой, что Ельгова удача не покинула его совсем. Все еще наладится. Юным кажется, что всякая яма на пути – бездна, из которой не выбраться. Ингер в свои неполные двадцать два года учил себя верить, что вслед за ямой будет горка, а потом ровный путь – только бы дали боги сил и упорства идти дальше.

* * *

На другой день после этого пира знатные женщины Киева отправились «закармливать землю». Ельга-Поляница и Ельга-Прекраса в сопровождении киевских большух явились к «божьему полю» близ Святой горы. Величиной двенадцать на двенадцать шагов, огражденное по четырем углам белыми камнями, сейчас оно лежало голым, как и все прочие земные нивы, хотя не принадлежало к ним. Такие поля еще называются небесными – когда князь пашет это поле, сам Перун пашет на небе, чтобы дать урожай всем нивам земным. На подзакатном углу еще стоял поникший, побитый дождями «Велесов сноп» – весной его запашут обратно в землю, чтобы вернуть ей плодоносящую мощь.

– Птицы небесные, Ирийские посланницы! – приговаривал Ельга-Поляница, разбрасывая по подмерзшему жнивью кусочки пирога от вчерашнего пира. – Слетайтесь на нашу ниву, покушайте нашего пирога, взвеселите землю-матушку! Чтобы спалось ей покойно, сны виделись сладкие! А как придет весна, как встанет Заря-Зареница, возьмет золотые ключи, отомкнет врата небесные, тогда прилетайте, пением своим ее разбудите, чтобы рожала она хлеба обильные, кормила нас щедро, как мы вас теперь кормим!

После нее призывать птиц вышла Ружана, а потом Ельга-Прекраса. Среди женщин киевской верхушки она занимала всего лишь третье место, уступая своей золовке и невестке знатностью и удачливостью. Чтобы превзойти их, ей нужно было посадить своего сына на коня. В день, когда это случится, она станет единственной, наивысшей владычицей земли Русской. Она, а не Ельга, будет серебряным ковшом разливать мед на княжеских и священных пирах. Она будет подносить медовую чашу Ингеру, заново утверждая его в правах господина земли и дружины, земного воплощения бога воинов. Тогда все эти важные жены встанут позади нее и покорятся ей. Сейчас же в их беглых взглядах она читала пренебрежение и жалость. Рядом с Ельгой-Поляницей, блистающей своей золотисто-рыжей косой, как Перуница-Молния, и пышногрудой, румяной Ружаной Прекраса смотрелась бледной тенью. Я ведь тоже рожала дважды, думала она, пока вся гурьба нарядных женщин шла на Девич-гору. Но пышнее почему-то не стала, осталась почти такой же, как была в девках. Правда, и мать ее, рожавшая трижды (младшая сестренка Прекрасы умерла двухлетней), тоже тела не прибавила и была немногим шире своей дочери. Видно, чары воды выпивают силы из Прекрасы, как тянули их из Гунноры. А Ельга и Ружана, надо думать, знают тайну, как не отдавать, а самим питаться силами земли...

Пока они шли к Девич-горе, повалил снег. Мягкие, крупные, пышные хлопья медленно падали в безветренном воздухе, как ласка неба, и в сердца человеческие проливалась радость. Даже зрелые женщины со смехом ловили хлопья снега на ладони, радуясь приходу зимы. Зима – нелегкая и опасная пора, но ее своевременный приход ее говорит о том, что все в мире идет по-налаженному. Легкие прикосновения снеговых хлопьев ложились на разгоряченные лица нежными поцелуями Девы Марены, и даже Прекраса улыбнулась: на сердце стало светлей от мысли, что боги хотят подбодрить ее в печалих.

Зима стучалась в оконца, а значит, пришла пора прощаться с «дедами», засыпающими в земле до весны. Каждая семья в эти дни поминает у себя дома дедов и прадедов, а на княжьем дворе готовились накрывать большой поминальный стол – для всех гридей, павших в Греческом царстве. Давно покинутая кровная их родня осталась за тридевять земель, но князь был общим отцом им всем, и у его стола их души должны были найти себе угощение. За делами Прекраса тайком обдумывала еще кое-что, но лишь за день до нужного срока решила рассказать Ингеру.

– Я подумала... я знаю, – начала она утром за день до пира Осенних Дедов. – Мы с тобой должны... нам нужно угостить и проводить... еще кое-кого. Но чтобы никто не знал.

– Кого? – Ингер удивился такой таинственности. – Крася! Ты – хоть и не княгиня пока, но ты моя водимая жена. Ты будущая госпожа земли Русской. Ты не должна никого бояться и ничего от людей скрывать!

– Но ты ведь знаешь... – Прекраса глубоко задышала от волнения. – В городе болтают, что будто я... русалка. И если узнают, что я хочу... угостить хозяев Киева перевоза, то скажут...

– Что?

– Что они-то и есть мои родичи! Что я правда русалка!

– Русалка ты моя! – Ингер усмехнулся и приобнял ее. – А зачем такие жертвы?

– Ты поедешь в гощение. Мало ли... что может случиться.

– Я поеду по Днепру... Да, это разумно.

– Нам беречься надо! – горячо подхватила Прекраса. – То есть тебе. Боюсь: в самое ненастье ты поедешь, под снегом, а там дома чужие, люди чужие... Да злые все после похода... Вдруг что случится, а меня рядом нет. Ни дня спокойного у меня не будет, пока ты не вернешься живым-здоровым! Пусть Днепр-батюшка побережет тебя. Разве за... для такого дела коня жалко?

Она едва не сказала «за твою жизнь», но прикусила язык – Ингер не должен знать, *что* стоит на кону. Ему было известно, каким образом Прекраса спасла ему жизнь три года назад. Он знал, что она добилась для него покровительства хозяек брода – берегинь, а здесь, в Киеве, знается с владыками Киева перевоза. Он не знал самого важного: что Прядущие у Воды не распростились со своей ускользнувшей жертвой, а лишь дали ей отсрочку. И что эту отсрочку все время норовят сократить, а Прекраса бьется, стараясь не дать им порвать нить раньше времени. Как Ингер будет жить с таким камнем на душе – зная, сколько ему осталось? Когда Прекраса заключала тот договор с Прядущими у Воды, ей казалось, что до конца еще очень далеко. Но время скользило змеей, утекало водой сквозь пальцы. Ингеру и так нелегко приходится на дядином столе, где его со всех сторон подстерегают недруги и неудачи. Не нужно ему знать что самый страшный его враг – не Свенгельд, не древляне, не греки с их огнеметами, а Девы Источника. Те, против кого бессильны земные властители с их дружинами.

В задуманное посветили только Ратислава с двумя гридями. Под вечер те отправились в княжеский табун – обширные конюшни и загоны стояли вне града, на луговинах – и привели оттуда двухлетнего жеребца самой светлой масти, какой нашли, почти белого. Ниже Киева перевоза, на унылом берегу среди жухлой травы и облетевших ив, ждали Ингер и Прекраса, закутанная в толстый серый плащ. Возле них пара челядинов сторожила небольшой плот. Жеребцу спутали ноги, завязали глаза. Прекраса поглаживала его по морде и шептала что-то; жеребец, еще мало приученный к людям, стоял спокойно, будто зачарованный. Поглядывая на них, Ингер испытывал неловкость и невольно озирался, будто они этого жеребца украли. Ему было стыдно делать что-то тайком, будто он не хозяин здесь, но Прекраса права: если кияне проведают, что в дни Осенних Дедов, когда все угощают покойных родичей, она приносит жертву духам воды, ее и правда сочтут родней водяным.

Но... а не правда ли это? Ингер знал, что Прекраса состоит в дружбе с духами вод, что она получила от них дар – силу предрекать будущее и исцелять болезни. Сам он выжил благодаря этому ее дару и не зря привык связывать с ней свое благополучие и саму жизнь. Но как это соглашение сказалось на ней? Он любил ее и видел в ней самую красивую женщину, которую ему приходилось встречать. От взгляда ее голубых глаз перед ним будто расстилалось само небо. Но сейчас, когда он смотрел, как она, зябнувшая и дрожащая от волнения, шепотом успокаивает жеребца, белыми пальцами поглаживая его по морде, его кольнуло в сердце сомнение. Она получила от берегинь часть их силы. Но что она отдала взамен? Недаром люди сторонятся тех, кто слишком тесно связан с рекой и лесом. Ему нелегко будет убедить киян все же принять его жену как княгиню и госпожу над ними.

Продолжая разговаривать с жеребцом, Прекраса завела его на плот. Ратислав и двое гридей взошли вслед за ней и оттолкнули плот от берега, Ингер и челядины остались на берегу. Уже почти стемнело, и Ингер с трудом различал на воде удаляющееся темное пятно.

Плот был далеко от берега, и за шумом ветра до Ингера не донесся всплеск от упавшего в воду коня. Не донеслось ни звука, лишь волны вдруг ринулись на берег и лизнули его ноги холодными языками. Ингер отскочил, в мыслях мелькнуло: нет, не я! Не я – ваша пища.

Эта мысль привела за собой осознание: Прекраса отдала жеребца вместо него. Чтобы уберечь от тех бесчисленных пастей – воды, огня, острого железа, людской злобы, – которыми Навь снова и снова пытается поглотить его.

* * *

Прекраса проснулась задолго до рассвета, в глухой, промозглой тьме предзимья. Недавний снег уже растаял, земля под покровом побуревших, влажных листьев казалась черной, грубой, как последняя рабыня в лохмотьях. Когда начало светать, Прекраса встала и бесшумно оделась. Двое братьев, давних Ингеровых гридей из числа холмгородских варягов, Рагнвальд и Ингвальд, привычно ждали ее на дворе с тремя оседланными лошадьми. Это двое, еще довольно молодые парни, были погодками, но походили один на другого, как близнецы. Светловолосые, молчаливые, они знали о тайных поездках Прекрасы даже больше, чем ее муж-князь, но молчали, и за это Прекраса ценила их, как родных. На этих людей она могла положиться. О ее дружбе с духами вод они знали куда больше тех, кто болтал об этом на Подоле и Бабином торжке, но их преданности ей это не умаляло.

По узким улочкам между тынов спящей Горы втроем проехали к увозу. Ворота еще не открыли, кто-то невидимый расхаживал на веже туда-сюда, чтобы не заснуть. Рагневальд пошел стучаться в избенку, где сидел дозорный десяток. Это были люди Свенгельда, и Прекраса, пока кто-то из них отворял, прикрывала лицо краем платка. Конечно, они знают, что это она. Возможно, даже знают, куда она едет. Запретить эти странные прогулки в сумерках воеводские отроки не могут, но не от них ли тянутся эти вечные сплетни о ее русалочьей крови?

Внизу под киевскими горами лежал густой туман, серый, будто перемешанный с дымом. Прекраса и ее провожатые хорошо знали дорогу к Киеву перевозу, но по пути лишь изредка могли разглядеть знакомые приметы: крышу избенки, верхушку дерева, старый, невесть чей могильный холм. Туман плыл, будто где-то рядом была извергавшая его исполинская печь, обвивался вокруг строений и стволов. Проезжая сквозь него, Прекраса ощущала себя не на белом свете, а в сумежье, порубежном краю между миром людей и Окольным. Входишь в него в знакомом месте, а вот где выйдешь?

Оставив гридей и коней возле избушки перевозчиков, Прекраса почти на ощупь стала пробираться к реке. Едва виднелся в тумане высокий идол, поставленный на грани миров, там, где Древлянская дорога, приходящая с запада, пересекала Днепр и вливалась в него, чтобы на том берегу вынырнуть уже под другим названием – Северянской. Там тоже стоял деревянный Кий, охраняя созданное им племя. Всякий, кто пересекал здесь Днепр, приносил что-нибудь в дар прародителю, прося защиты во время переправы. Иначе владыки вод могут взять свою жертву – одну голову в год или больше, человека или животное. Как пожелают.

Только Кий и может укротить жадность водяной владычицы. О Деве Улыбе Прекраса уже знала немало. Дочь древнего старейшины Щека, та сначала жила на Девич-горе с дружиной из двенадцати дев. Потом Кий взял ее в жены, она родила ему семь сыновей... или десять. Дубыня Ворон говорил, семь, а баба Дымница говорит, что десять, и ей Прекраса верила больше: Дымница – лучшая в городе повивальная бабка и должна знать все, что касается родов и детей. Прекраса не удивилась бы, если бы оказалось, что эта невысокая, морщинистая, но бойкая старушка проживает на Киевской горе с незапамятных времен и сама принимала всех Киевских

сынов. А потом, когда сыновья Улыбы и Кия пали в битве с хазарами, Улыба так горько плакала по ним, что вся изошла на слезы и превратилась в речку, названную ее именем¹⁶. Потому она живет в водах у Киева перевоза и правит здешним водяным народом...

От осенних дождей вода в Днепре поднялась, и Прекраса остановилась, не дойдя до знакомых старых ив. Под холодным ветром сняла с головы теплый платок, потом убрус и волосник. Расплела волосы, и те упали светло-русый водопадом ниже колен. Достала белый гребень и принялась зябнувшей рукой неловко водить по спутанным прядям – после ночи она еще их не расчесывала. Промозглый холод жесткими пальцами обхватил незащищенную шею, и Прекраса ежилась, стараясь повернуться к ветру спиной.

Мать-Вода! Государыня-Вода!
Течешь ты по зеленым лугам,
Омываешь крутые берега!
Бежишь ты по камушку белому,
От светлого дня до темной ноченьки,
От зари утренней до зари вечерней,
Ни сна ни отдыха не ведаешь!
Мать-Вода! Государыня-Вода!
Не обмой-ка ты крутые берега,
А появись, покажись мне красной девицей,
Госпожой вод днепровских, Девой Улыбой...

По ветру летели капли влаги, сорванные с деревьев. Прекраса стряхивала их с волос, и в эти мгновения сама себе очень напоминала русалку, с которой всегда капает.

Я не русалка, думала она. Русалки – мертвые, а я живая. У русалок нет души – той двери, через которую в человека входит любовь. А у меня она есть. Вся жизнь моя была поглощена той любовью, в один миг и навсегда. И если уж я на это решилась, то теперь не дам жизни моей пропасть напрасно. Я сохранила Ингеру жизнь, но этого мало. Он должен продолжить свой род, положить начало целой череде князей, властителей и воинов. Времени на это осталось немного. Но его еще хватит...

– Появись, покажись...

Повторяя призыв в третий раз, Прекраса подняла глаза, и гребень замер в ее руке...

Невольно она подалась назад. От реки сквозь туман к ней приближалась всадница на белом коне – том самом, которого Рагнвальд и Ингвальд вчера столкнули с плота, с завязанными глазами и спутанными ногами. Теперь он, не оседланный и не взнузданный, вез на себе деву в белом одеянии, с распущенными волосами, достающими до конского брюха. И конь, и всадница были единой плотью с туманом – такие же сумрачные, полупрозрачные, туман протекал сквозь них так же свободно, как они двигались через него.

Видение надвигалось на Прекрасу, разрасталось, казалось огромным, как сам туман, простирающийся от земли до неба. Сила его была неизмеримо велика по сравнению с ее человеческим духом, поэтому она и не могла определить величину видения.

– Ты звала меня, сестра, я пришла! – шепнул туман в самые уши Прекрасе.

– Я... звала... – еле слышным шепотом выдавила Прекраса. – Послушай меня...

– Слушаю, – благосклонно шепнул туман.

Похоже, Дева Улыба осталась довольна жертвой. Черты лица ее были размытыми, как на лике луны, и едва Прекрасе удавалось ухватить взглядом какую-то из них, как они тут же вздрагивали, начинали колебаться, менялись, как отражение в воде под ветром. Но этот ветер

¹⁶ Название речки Лыбеди на территории Киева, вероятно, произошло от женского имени Улыба.

не уляжется – у Нави нет ясного облика, он лишь отражение того, что мы о ней думаем, и эти мучительные попытки прямо взглянуть ей в лицо обречены на неудачу.

К счастью, Дева Улыба придержала коня и больше не приближалась. Прекраса не могла сказать, далеко ли та, но ей перестало казаться, что водная владычица сейчас растопчет ее своим скакуном, которого сама же Прекраса ей подарила.

– Нелегко нам приходится, – шепотом начала Прекраса. Говорить громче у нее не было сил, видение подавило душу, как кусок льда, упавший на травинку. – Мой муж летом едва не сгорел от огня греческого. Кияне его со стола прогнать хотели. В Корсуньской стране варяги замышляют стол его отнять. Ему в гощение ехать – что там еще будет? Не возмутятся ли поляне, что ратники в поход ушли, а вернулось двое из десяти. И самое-то первое... Когда мне боги дитя дадут? Помоги мне. Я тебя угощаю, дары приношу, по весне и по осени, на зиму голодной не оставляю. Мы ряд положили... Вы дали Ингеру еще семь лет жизни, из них три уже прошли, а рода продолжения, наследника, будущего князя киевского все нет. Помоги мне. Убереги мужа моего и дай нам чадо здоровое, чтобы через три года его на коня посадить. Иначе все напрасно... – вырвалось у нее, и она прикусила губу.

Грудь тяжело вздымалась, будто на ней лежал большой камень. От холода в тумане Прекраса не чувствовала своего тела и безотчетно сжимала гребень застывшими пальцами.

– Не печалься, – ответил туман, и будто прохладный ветерок коснулся души. – Скоро горестям твоим конец придет. Вернется муж из гощения, а дома его будет ждать то, о чем он не ведает!

На лице хозяйки перевоза промелькнула улыбка – будто рыбка скользнула над отражением луны.

– Лови! – Она бросила что-то перед собой.

Прекраса вздрогнула. Когда Дева Улыба наклонилась, подол ее белой одежды вздернулся и открылись ноги – не человеческие, а лягушачьи, да еще и покрытые пестрой чешуей. Прекраса невольно зажмурилась – опять водяная владычица показывает ей, с кем она имеет дело. Сколь искусно ни принимает водяница облик человека, на деле она – всего лишь дух, который не в силах скрыть свою природу полностью.

Попытившись, Прекраса опустила глаза. И охнула: оказалось, что вода, прикрытая туманом, уже подобралась к самым ее ногам. И по воде к ней плыло нечто круглое, с кулак величиной... Она вгляделась. Посылка была уже в трех шагах, когда Прекраса с изумлением рассмотрела, что это яблоко – крупное, с одного бока красное, с другого бледно-желтое, почти белое.

– Возьми, – велела Дева Улыба. – Нынче ночью, как будешь спать ложиться, съешь яблочко, и понесешь дитя. Славный витязь у тебя родится, по всем землям прославлен будет. Будет державы сокрушать, цари иноземные будут имени его страшиться, а державу себе возьмет такую, что от Волхова досюда только четверть ее уложится. От сынов его род могучий произойдет и долгие века процветать станет и множиться...

Прекраса охнула про себя, не решаясь верить такому доброму предсказанию. Яблоко уже было возле ее ног; она наклонилась, но волна вдруг качнулась назад. Прекраса шагнула вперед, чувствуя, как холодная вода заливает ноги; едва ее пальцы коснулись гладкого, прохладного бока плода, как его опять отнесло назад – всего на шаг, но она не могла его ухватить. Вертась в воде, мокрое яблоко ускользало, как живое.

Из тумана донесся легкий смех – смеялось сразу несколько голосов, низких, глухих. Навь забавлялась над ней! Уж не солгала ли Дева Улыба в своем предсказании? Но только Прекраса хотела разозлиться, как волна качнула яблоко в ее сторону и оно само ткнулось в ее ногу. Прекраса без труда поймала его, а вода отступила. Она стояла на мокром песке, чувствуя, как забнут промокшие ноги.

– Позови меня на пир, как придет время сына нарекать, – снова заговорила Дева Улыба. – Я имя ему дам, а как исполнится ему семь лет, отдай его мне на воспитание. Пять лет буду

растить его, всяким мудрым наукам да хитрым клюкам¹⁷ обучу, чтобы ни в ратном поле, ни в ворожбе никто не был ему на всем свете равен. Обучу его бегать по лесу серым волком, по полю скакать черным туром, по небу летать сизым соколом. Зачарую чарами крепкими, так что сама смерть его не возьмет. Согласна?

«Согласна», – мысленно откликнулась Прекраса, будто речь Девы Улыбы породила эхо в ее голове. Горло перехватило, и она лишь слабо кивнула.

– Родится дитя твое в ту пору, когда я и сестры мои по земле вольно ходим, песни играем, круги водим. Долго не жди, объяви наречение имени сыну на третий день. Иначе я и сестры мои в воду уйдем, к тебе пожаловать не сумеем, тогда не сбудется то, что я сказала. Помни – на третий день. Не забудешь?

Прекраса покачала головой. Приключись ей ждать не полгода, а сто лет, и то она не могла бы забыть ни слова из этой беседы, самой важной в ее жизни.

– А пока прощай...

Прекраса подняла голову, чтобы ответить, но всадницы тумана уже не было перед ней. Настало осеннее утро – пасмурное, но светлое, туман рассеялся. И ни следа от владычицы вод – только яблоко, красное с одного бока и почти белое с другого, было крепко зажато в онемевшей руке Прекрасы.

* * *

Когда Прекраса вернулась, княжий двор уже проснулся и зашумел. Челядь поднялась, рабыни мыли пол в гриднице и во всех жилых избах, вычищали очаги, сметали пыль и паутину со стен. По стенам в гриднице и княжьей избе развесили длинные поминальные рушники, от чего полутемные помещения посветлели и засияли. К вечеру явилась Ельга-Поляница, и из поварни вскоре повалили клубы дыма и пара: готовили двенадцать поминальных блюд. В этот день, единственный в году, Прекраса разрешала золовке управляться в ее доме: ведь он посвящался предкам Ельги, прежде жившим здесь, и именно сегодня Прекраса чувствовала себя особенно чужой этому жилью. С каждого рушника, сотканного в память о Ельгиных матери, бабке, прабабке на Прекрасу словно взирали невидимые строгие очи, вопрошая: а ты кто такая? По какому праву сидишь у нашего очага?

Стуцалась тьма, близилась ночь, да и дождь пошел, но суета только увеличилась. Варили кашу, кисели, пекли блины, подмешивая в тесто кровь «дедова» борова, заколотого к этому дню. Пекли оладьи, делали медовую сыту, жарили кур и гусей. Ельга сама испекла первый блин, потом еще горячим разорвала на части, обжигаясь и облизывая пальцы, и выложила в оконце – чтобы пар его привлекал дедов к угощению. Прекраса, сегодня чувствуя себя гостьей в собственном доме, наблюдала за ней: румяная от жара очагов, Ельга была особенно оживлена и взволнована. Она словно радовалась встрече с дедами и бабками, пусть даже она их не увидит, но порой, смеясь, смахивала слезу. Свенгельд и его старшие оружники, приехавшие с ним, оглядывали знакомые стены с таким видом, будто вернулись на несколько лет в прошлое и ждут вот-вот увидеть своего старого, давно покойного господина.

Но вот все было готово. В гридницу собралась Ингерова дружина, Свенгельд и его люди – Фарлов, Асмунд, Ольгер, Торгут. Заходили тихим шагом, благоговейно озираясь, будто не в этом помещении они ели, пили и спали каждый день уже много лет. Увешанное поминальными рушниками, оно само стало частью иного мира, где живые были только гостями. Встали вдоль столов, обычным порядком, начиная от Ингера возле престола и заканчивая младшими отроками ближе к двери. Стол был уже готов, уставлен накрытыми горшками и блюдами. Заслонки на оконцах были отодвинуты, открывая путь невидимым гостям.

¹⁷ *Клюки* – фольклорное обозначение колдовского мастерства. «Хитрость» – ворожба, умение колдовать.

Ельга-Поляница вышла вперед с золотой чашей в руках. Отблески огня играли на ее золотисто-рыжей косе, а желто-карие глаза в полутьме почернели. В белом варяжском платье, с золотыми застежками, перстнями и обручьями, она казалась живой молнией, принесшей живым весть от покойных. Глядя на нее, Прекраса невольно думала: нет, никогда мне не стать такой красивой, мудрой, победительной, словно созданной для связи богов и смертных. Такой надо родиться...

– Деды и прадеды, честные наши предки! – позвала Ельга, встав возле горящего очага.

Слова она выговаривала необычно – громким заунывным голосом, выпевая, так что от одного звука мурашки бежали по спине и кожей ощущалось, как раскрываются незримые врата. Призыв дедов, богов, иных существ – особое умение, которому знатные люди либо большаки обучаются. Ельга произносила призывание так уверенно, будто она ясно видела всех тех, к кому обращалась, и знала, что они слышат ее.

– Отец мой Ельг, мать моя Ольведа, бабка моя Придислава, братья мои: Ольвид, Асgrim, Асмунд, Рагнар, Одд, Хринг! Все иные душечки, что в сем дому пребывали, хлеба и соли едали – придите к нам! Просим к столу! Здесь вам бывать-гостевать, нашей каши есть, нашу долю оберегать!

Невольно Прекраса сосчитала названные имена и удивилась: почему шесть? У Ельга же было семь сыновей. Неужели Ельга-Поляница позабыла кого-то из собственных братьев? Не может такого быть!

Из золотой чаши Ельга взяла горсть священных трав и бросила в огонь. По гриднице поплыл запах сушеного багульника и руты – растений, помогающих духам и живым людям слышать друг друга. Каждый в гриднице с опаской, с трепетом вдыхал этот запах, чувствуя, что вместе с ним входит и сила кудесника, говорящего с духами.

Ельга поднесла к огню пучок трав, подождала его и пошла с ним вдоль столов. Веточка можжевельника, чабреца, стебли полыни и зверобоя, крапива и душица в этот день, когда отворяются ворота Нави, охраняли дом и живущих в нем от всего злого, что оттуда могло выскользнуть. Она помахивала курящимся пучком над столами, перед лицами гридей, отчего многие жмурились. Наблюдая за ней и глядя, как она окуривает воевод, Прекраса вдруг сообразила: Свенгельд! Свенька – седьмой Ельгов сын. Сестра не позвала его дух, потому что он жив, чудовище.

А ведь могло быть иначе. Удайся ей та давняя ворожба, и Свена уже третий год не было бы в живых. Сегодня Ельга-Поляница призвала бы его наравне с прочими.

Двигаясь дальше, Ингерова сестра приблизилась к ней, и Прекраса тайком поежилась, испугавшись, что та услышит ее мысли, поймет, что Прекраса однажды желала смерти ее любимому брату и чуть его не сгубила. Но и расплата была тяжелой...

Вдруг Прекраса ощутила внутри себя маленькое холодное местечко, как будто кусочек льда завалился в уголок души. Когда Ельга-Поляница с курящимся пучком трав проходила мимо, Прекраса замерла, утратив все мысли и ощущения; она забыла, кто она такая, навалился страх и чувство неприютности. Но это длилось лишь краткий миг. Ельга прошла, и Прекрасу отпустило.

По знаку Ельги сняли крышки со всей посуды. Горячий пар от множества блюд устремился к кровле, смешиваясь с запахом трав.

– Деды наши! – позвал Ингер, как хозяин дома. – Идите к нам на ужин, ведите с собой родню и малых деток!

– Братья наши! – добавил Ивор. – Сыны мои, отроки! Все, кто голову сложил в царстве чужом, в земле далекой – придите к нам! Войдите в дом свой прежний, сядьте за стол, ешьте вместе с нами, как в былые дни едали!

– И тех ведите, кому некуда идти! – тихо произнесла Прекраса.

Так всегда говорила ее мать, когда они призывали дедов в своей избе близ брода на реке Великой.

– Покушайте нашего хлеба-соли, храните нас, оберегайте нас, никакого зла видимого и невидимого не подпускайте! – снова заговорила Ельга. – Вы – оберег наш на сие время злое, незримая дружина наша. Огородите нас тыном железным от земли до неба, от восхода до заката, от вечерней зари до утренней!

Все застыли в молчании. Поднимался и рассеивался душистый пар – угощение душ, а живые молчали, с трепетом прислушиваясь к знакам их присутствия: треску огня, стуку, порывам ветра из оконца. В эту пору, когда осень окончательно сменяется зимой, когда вырываются на волю злые духи, несущие холод, мрак, болезни, голод, страх, люди сами призывают к себе мертвых – своих мертвых, способных защитить от пагубы чужих мертвецов. Для того чуров угощают, напитывая силой, и просят о защите. И до самой весны свои, родные чурь будут стоять невидимым дозором возле жилищ внуков, обороняя их от темных слуг Мары. И все же жутко было думать о том, что своими руками хозяева дома отворили двери для гостей с того света; что сейчас они здесь, они вошли, они бродят среди живых, дыша могильным холодом... Сердце замирало, дыхание занималось, зябкая дрожь рассыпалась по хребту, будто от прикосновения тонких ледяных пальцев...

– Чур меня! – вдруг сказала Ельга-Поляница среди тишины, разбив всеобщее оцепенение. – Чур черных, чур белых, чур своих, чур чужих, чур и меня еси!

– Чур меня! – с облегчением воскликнули все разом. – Чур! Чур!

Ингер знаком предложил всем сесть. Ельга приблизилась к нему с серебряной чашей меда, подала; потом взяла деревянный ковш, окованный по кромке серебром, стала разливать: мед – старшим оружникам, пиво – младшим. Каждый раз, совместно выпивая свои чаши, вождь и воины закрепляют единство между собой и с богами, а два раза в год – и с той частью дружины, что уже ушла под руку небесного вождя. Наверху и внизу идет пир в эти ночи: там и здесь в палате горят огни, разносится запах жареного мяса, к воинам плавным и уверенным шагом подходит подательница медовой чаши, соединяя их в общий дружинный круг мужчин, имеющих право носить оружие.

Чинно принялись за еду: без лишних движений, без разговоров. Брели понемногу от каждого блюда; съев ложку каши, ложку клали на стол, уступая очередь незримым гостям. Прекраса с осторожностью брала в рот маленькие кусочки то блина с кровью борова, то жареной курицы, и казалось, у них как-то особый вкус, не как всегда. Разделяя пищу с предками Ельгова рода, она будто представала на их незримый суд. Им есть за что судить ее, но заслуги ее больше. Она сохранила Ингера, князя киевского. И непременно даст ему достойного наследника, чего бы ей это ни стоило. Невольно она ждала, что руки ее близ блюда коснется другая рука, невидимая... В третий раз она участвовала в поминальной трапезе Осенних Дедов в этом доме, но чувствовала себя своей не более, чем в первые дни.

Когда же она наконец вольется в дух этого дома? Прекраса знала ответ. Когда за этим столом появится человек, связанный ближайшим кровным родством и с нею, и его прежними хозяевами. Ее ребенок от Ингера. Живой и здоровый ребенок, уже приученный к взрослой пище, лепечущий первые слова...

Он появится. Залогом тому совсем другое угощение, которое она получила из холодных рук водяной владычицы и до поры припрятала в избе.

* * *

Пир в гриднице окончился, огни погасли. Со стола не убирали – остатки трапезы должны лежать до утра. Гриди частью легли спать там же на помостах, частью разошлись по избам.

Свенгельд со своими людьми отправился провожать Ельгу-Поляницу на Девич-гору. Ушли к себе Ингер с Прекрасой.

У себя в избе, заперев дверь, Прекраса отодвинула заслонку на оконце и достала из печи закрытый горшочек. Поставила на стол, возле единственной свечи и двух маленьких ложек.

– Придите ко мне, чада мои, – прошептала она, сняв крышку с горшка. – Это я, матушка ваша, поесть вам приготовила...

Она спешила произнести эти слова, зная, что не сможет продолжать. Горло перехватило, перед глазами все расплылось. Никто не думал о ней как о матери, а ведь у нее родилось двое сыновей. В эту ночь они и правда *были* у нее. Неслышной поступью вошли в ее дом, как все сыновья входят к своим матерям. Взгляд ее упал на порог, где было зарыто в земляном полу под дубовыми плахами крохотное тельце ее первенца. Он родился мертвым, у него не было никакого имени. От слез Прекраса не видела тех плах, под которыми он покоился. Всякий человек за жизнь исхаживает бесчисленные версты земли, но ее чадо сумело коснуться только этого клочка. Его косточки уже истлели, его тело стало прахом, прах перемешался с землей. Но через этот прах она крепко-накрепко связана с этим домом и всеми его духами. Здесь она не чувствует себя гостьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.